

восточная история в романах

Юрий ТОРУБАРОВ

ЗАПАДНЫЙ ПОХОД

Всемирная история в романах

Юрий Торубаров

Западный поход

«ВЕЧЕ»

2018

Торубаров Ю. Д.

Западный поход / Ю. Д. Торубаров — «ВЕЧЕ»,
2018 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4484-7775-1

XIV век. Великое Московское княжество периода правления Симеона Иоанновича, сына Ивана Калиты. Князю приходится решать множество самых разных вопросов: взаимоотношения с митрополитом, междоусобица князей, отношения с Ордой, с западными соседями в лице Литвы и Тевтонского ордена, ищущими союзников для нападения на Московию. Возникли и серьезные личные проблемы. Между тем князь Андрей Пожарский и бояре Андрей Кобыла и Роман Ослябя рассказали великому князю о своем намерении отправиться на поиски великой христианской святыни — Чаши Грааля. Заручившись его поддержкой и получив благословение преподобного Сергия Радонежского, друзья отбывают во Францию, где их ждут неожиданные встречи, суровые испытания и необыкновенные приключения.

ISBN 978-5-4484-7775-1

© Торубаров Ю. Д., 2018
© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Об авторе	6
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	29
Глава 7	35
Глава 8	41
Глава 9	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Торубаров Юрий Дмитриевич Западный поход

Юрий Дмитриевич Торубаров

Об авторе

Современный писатель-историк Юрий Дмитриевич Торубаров родился в городе Барабинске Новосибирской области в семье железнодорожников. По долгу службы семья Юрия часто переезжала с места на место. Из Барабинска перебрались в Новосибирск, потом отца перевели под Кемерово работать на крупнейшем местном железнодорожном узле Топки. Здесь, в Топках, его семью и застала война. Отец вскоре ушел на фронт. Воевал он в железнодорожных частях, держал в рабочем состоянии один из участков Дороги жизни для осажденного Ленинграда.

В Топках Юрий пошел в школу. Мальчик много читал, любимым его уроком стала история. Но своим увлечением Торубаров обязан не столько книгам, сколько преподавателю истории Е.И. Гакову. Это был настоящий энтузиаст своего дела, на его уроках никогда не было скучно. Всем своим ученикам Гаков сумел привить глубокую любовь к родной земле, к прошлому нашего Отечества.

После окончания средней школы Юрий планировал поступить в Московский историко-архивный институт, но обстоятельства сложились так, что ехать далеко не пришлось, Торубаров поступил в Кемеровский горный институт. Получив диплом горного инженера, был направлен в шахтерский город Междуреченск, недавно образованный на юге Кузбасса. Здесь молодой специалист прошел весь трудовой путь горняка – от должности горного мастера в шахте до начальника большого угольного участка.

Карьера стремительно шла в гору, но тяга к истории не пропадала. Оказавшись по долгу службы в Калуге, Торубаров случайно увидел местную карту, где на юге области заметил одно до боли знакомое название – Козельск. И тотчас в памяти всплыл давний урок истории, где Ефим Игнатьевич Гаков весьма эмоционально рассказывал о подвиге жителей этого города. «Еще тогда, в школе, – вспоминает писатель, – для меня Козельск стал иметь какое-то особое значение. Возникло непреодолимое желание побывать на этом героическом клочке нашей земли. Я задержался и на следующий день поехал туда. Трудно передать, какой душевный трепет вызвала во мне короткая надпись на въезде в город: Козельск. Я даже не верил, что попал сюда. Пока я гулял по его улицам, в моей голове созрел план первого романа. Вернувшись к себе, в Сибирь, я засел писать этот роман. Я еще не раз побывал в Козельске, посещал библиотеки, собирал материал».

Роман был закончен в 1991 году и принят Воениздатом. Но тут завертелось неумолимое колесо истории. Полным ходом шла приватизация, а публикация все оттягивалась и затягивалась, пока наконец, после ряда внутренних споров и разбирательств, пока это издательство не перестало существовать. Узнав об этом, писатель слегка отчаялся, но решил попробовать предложить рукопись в другое издательство. Своей несомненной удачей Юрий Торубаров считает встречу с Д.С. Федотовым, редактором издательства «Вече». Роман был принят к публикации и в 2007 году увидел свет. Доброжелательное и чуткое отношение опытного редактора буквально окрылило писателя, и он снова взялся за перо. Вслед за романом о героической судьбе Козельска последовало продолжение – «Мечь Аскольда», события которого развиваются после захвата Козельска татаро-монголами. Некоторым защитникам города все же удалось спастись и укрыться в непроходимых лесах. Аскольд, сын погибшего воеводы Сечи, начинает жестокую партизанскую войну...

Писатель потратил два года на написание этого романа. Но история борьбы русичей против Золотой Орды не отпускала. Еще через год вышел третий роман, посвященный этой теме, – «Таинственный двойник», книга, которую сам писатель на сегодняшний день считает лучшей в своем творчестве. В поисках материала для своих произведений Торубаров много путешествует – Великий Новгород, Суздаль, Можайск, посещает церкви, монастыри, музеи, местные

библиотеки. Результатом этих поездок и визитов стали два совершенно новых, не похожих на предыдущие, романа – «Иван Калита» и «Офицерская честь». Первый повествует о «собирателе земель русских» Иване I, действие второго происходит во времена Наполеона Бонапарта. Юрий Торубаров продолжает активно работать. В ближайших планах писателя книга об Иване III и публикация трех уже готовых романов о Василии Донском – сыне князя Дмитрия, Симеоне Гордом – сыне Ивана Калиты и о далеких предках будущей династии Романовых.

Избранная библиография Юрия Торубарова:

«Тайна могильного креста» (2007)

«Мечь Аскольда» (2009)

«Таинственный двойник» (2010)

«Офицерская честь» (2011)

«Иван Калита» (2011)

Глава 1

Солнце, красное от стыда, что плохо обогрело землю, спешило спрятаться за темную кромку недовольного леса, который потрескивал от мороза, как старец своими натруженными больными ногами. А невесть откуда взявшийся ветер стал раскачивать могучие вековые стволы, ветви которых словно грозили провинившемуся светилу.

Поднявшаяся поземка заметала следы двух мужиков с рогатинами на плечах, торопившимися поскорее скрыться в лесу. Уже на подходе к нему, тот, кто шел сзади, прибавил шагу и, догнав товарища, сказал:

– Э, може, вернемся? Дотемна не успеем.

– Успеем, – ответил тот и решительно зашагал еще шибче.

Вступив в лесную полосу, они словно попали в другое царство. Если вершины деревьев недовольно гудели, то внизу была тишина. Зато набирала силу полумгла. Шедший впереди внезапно остановился и поднял руку. Вглядываясь в полумрак, он какое-то время молчал. Потом полупшепотом произнес:

– Здесь!

И, ничего не сказав напарнику, куда-то двинулся. Напарник, вероятно, хорошо зная своего товарища, стал терпеливо дожидаться его возвращения. Вернулся он быстро, с шестом в руках, который заранее припрятал.

– Ну!

Это означало: «Готовьсь!» Держа в одной руке шест, в другой – рогатину, он кивнул. Напарник в полумраке не заметил его кивка, но безропотно пошел за ним.

Остановились они перед полувывернутым из земли стволом дерева. Под натиском бури оно упало на соседнее и так и лежало в наклонном состоянии. А под его корневищами образовалась огромная яма. В ней находилось то, за чем они шли сюда, за несколько верст. В этой яме медведи сделали себе берлогу.

Тот, кто был с шестом, по наитию определил, где ему удобнее встать. Напарник, обойдя его слева, сделал несколько шагов, встал наизготовку. Первый же толчок шеста уперся во что-то мягкое.

– Есть! – довольно крикнул добытчик и еще сильнее заработал шестом. Ждать долго не пришлось. Медведь взревел и стрелой вырвался наружу. Мужик едва успел отскочить в сторону.

Выскочив, зверь на мгновение замер, определяясь со своим врагом. Увидев его перед собой, поднявшись во весь свой огромный рост, он пошел на противника, угрожающе ревя и махая лапами. Охотник видел только его силуэт, но этого было достаточно. Опыт подсказал, как правильно нанести удар. А правильным считался тот, когда рогатина пронзит сердце. Охотник вложил в рогатину всю свою недюженную силу. Медведь взревел и всем телом обрушился на рогатину, да с такой силой, что выбил ее из рук мужика. Охотника спасло прямое попадание в сердце зверя. Зверь сделал шаг и завалился на бок. Опыт не подвел.

– Фу! – выдохнул охотник и добавил: – Готов!

Он уверенно подошел к зверю, чтобы вынуть рогатину. Но его усилий не хватило. Тогда он, пошире расставив ноги, наклонился... В это мгновение лапа зверя, описав дугу, зацепила голову охотника. Спасла шапка, но все равно мощные когти достали до черепа. Мужик взвыл, как только что уложенный медведь.

– Ааа! – завопил он, хватаясь за голову, и бросился прочь от этого места.

Его напарнику ничего не оставалось, как последовать за ним. Вырвавшись из лесной тьмы, они попали на поляну, залитую лунным светом.

– А ну кажи, че у тя там, – проговорил напарник, заходя с той стороны, где была рана.

Раздвинув обильно смоченные кровью космы, ругнулся.

– Вот гад! Он у ты чуть черепок не оголил!

– Че делать-то? – Пострадавший жалобно посмотрел на товарища.

– Може, снег приложим?

Раненый, держась за больное место, пожал плечами.

Внезапно надвинулась темнота. Луну закрыли тяжелые облака.

– Буран будет, – нагибаясь, проговорил напарник, подхватив пригоршню снега, – держи, – подавая снег, сказал он.

– Ты сам, – скривил физиономию пострадавший.

В это время донесся какой-то шум.

– Кто это? – тревожно всматриваясь вдаль, спросил напарник.

Рассмотреть, что делается на дороге, помогла луна. Ветер прогнал тучи, и она вновь засияла на небосводе, позволив разглядеть приближающийся к ним обоз более чем из десятка саней.

– Слышь, – обратился напарник к раненому товарищу, – а вдруг у них есть лечейка какой-нибудь?

Эти слова на мгновение приободрили пострадавшего. Но вскоре он вновь громко застонал.

Колонна двигалась медленно. Знать, проделала не ближний путь.

– Ну, че они так... – плаксивым голосом молвил пострадавший, не спуская глаз с обоза.

В его голосе звучала надежда. Наконец, обоз поравнялся с ними.

– Вы чего, мужики? – обратился к ним первый всадник, опуская высокий воротник и останавливая коня перед двумя неизвестными.

– Мил человек, – заговорил напарник пострадавшего, – есть ли у вас лечейка какой-нибудь?

– Кто, кто? – переспросил всадник.

– Ну... как его... лекарь.

– А что случилось? – полюбопытствовал всадник.

– Да ведмедь чуть череп не оголил.

Говоривший кивнул на товарища.

– Лекарь не лекарь, а врачеватель найдется.

Всадник оглянулся и крикнул:

– Милана ко мне.

Вскоре подъехал другой всадник, одетый в длинную шубу. Высокий воротник почти полностью закрывал его лицо. Были видны одни глаза да косматые брови над ними. Они говорили, что тот немолод.

– Слушаю, Камбила, – проговорил он.

– Да вон, – Камбила кивнул на раненого, – помочь надо.

Тучи вновь закрыли луну, и Милан потребовал, чтобы зажгли факелы. В их свете он осмотрел рану.

– Да-с! – произнес он и, сбросив с плеча тулуп, снял суму.

В руках у него блеснули ножницы. При их виде мужик от страха аж присел:

– Ты че... хотишь?

– Волос твой обстригу.

Оголив полчерепа, лекарь повернулся к Камбиле.

– Помощь, боярин, нужна. Держать, – он кивнул на мужика, – держать надоть.

– Егор. – Камбила повернулся к всаднику, который дремал у него за спиной.

– Че надо? – буркнул тот.

– Держать етого молодца. – Камбила кивнул на пострадавшего.

Егор молча спрыгнул с коня и подошел к мужику. И хотя охотник выглядел не хило, как-никак медвежатник, но против Егора он был ничто.

– Держи руки, – приказал Милан.

Егор сжал его так, что у бедного захрустели кости. Милан облил больное место какой-то жидкостью. Мужик заорал, точно его собрались резать. Не держи его Егор, вряд ли бы кто другой с ним справился. Когда же лекарь достал иглу и протянул в ушко жилу, мужик взмолился:

– Не надоть!

Но Милан его не слушал.

– Держи его голову, – попросил он Егора.

Наконец операция была закончена. Милан достал из сумы тряпицу, оторвал ленту, смочил конец какой-то жидкостью и обвязал голову.

– Месяц не снимай, – на прощанье сказал он. – Все, – доложил он Камбиле.

– Вас подвезти? – спросил Камбила.

– Ище чиво! – ответил за пострадавшего его напарник. – И на том спасибо. Дай бог вам всего лучшего!

– Скажи, – Камбила склонился к мужику, – мы на Москву правильно едем?

– На Москву? – переспросил мужик.

Камбила кивнул.

– Не... Надоть брать правее. Так вы во Тверь придете. Вот так надоть, – и рукой показал направление.

Обозу пришлось повернуть в указанное направление.

Охотникам стало тяжело идти. Снег бил прямо в лицо. Здоровый, обхватив пострадавшего, помогал ему двигаться. Из-за воя ветра они не заметили, как их нагнал какой-то отряд. Все были вооружены и выглядели довольно воинственно.

– Эй! – крикнул усатый всадник чуть не в ухо мужику.

Тот даже опешил и опустил больного.

– Че... Че надоть? – с испугу залепетал мужик.

– Обоза тут не видел?

– Обоза? – медленно спросил медвежатник, раздумывая, кто же это мог быть.

– Да, обоза, – повторил усатый, сбивая с усов сосульки.

– Видели, – ответил мужик.

– Куда они поехали? – усатый довольно грозно посмотрел на него.

– Да вон туды... – и он махнул в сторону, куда хотел двигаться обоз.

Усатый, повернувшись к своим, сказал:

– Видать, на Тверь подались, – и развернул отряд по указанному направлению.

То были новгородцы, которые по приказу посадника должны были схватить Егора и Камбилу. А поручил он это сделать дружку Андрюшке, с которым в свое время бежал в Копорье, боясь гнева Луки Оницифера.

Глава 2

Великий магистр Тевтонского ордена Генрих фон Арфберг, получив от своего лазутчика в Орде донос, тщательно вглядывался в каждую букву. Донос был написан на небольшом клочке пергамента, чтобы удобно было спрятать его, зашив в одежду. Попотев над ним не один час, магистр наконец прочитал его. В нем говорилось, что хан заковал в цепи литовского князя Кориата и отправил его в Московию к князю Симеону. Магистру было хорошо известно, что великий литовский князь Олгерд послал Кориата для заключения с ханом договора, или, по-татарски, смыка. Как тогда испугался магистр этой вести! У него сразу возник вопрос: куда Олгерд повернет этот союз? На Московию? Или... От этой мысли он даже вспотел. Тыльной стороной ладони машинально вытер пот со лба: «Да-а! – вздохнул он. – Если... кто поможет? Германские князья? Но они слабы, стараются поглотить друг друга. Польша? Но та сама разывается в борьбе с литовцами, русскими, венграми. Нет! Расчет только на собственные силы. О господи! Есть же шведы! По-моему, у нас с ними один враг. А что, если нам заключить с ними союз?» И вот это сообщение. Оно рушит все планы литовцев. «Но мы получаем шанс», – подумал магистр и вызвал к себе рыцаря Конрада фон Вернера.

Этот поспешный вызов насторожил Конрада. Набросив на плечи черную накидку и идя по длинному коридору, Конрад думал, что же могло случиться. Но так ничего и не придумал. Войдя в кабинет, рыцарь увидел магистра у окна. Одна его рука была приподнята, и он пальцами стучал по стеклу. Стало ясно, что что-то случилось. Подойдя ближе, рыцарь скользнул взглядом по столу, где лежал клочок пергамента, и понял: получена недобрая весть.

На поклон рыцаря магистр ответил кивком головы и прошел к столу, рукой указав вошедшему на кресло. Убрав пергамент в стол, магистр впервые взглянул на Конрада.

– Что, недобрые вести? – спросил рыцарь, усаживаясь в кресло.

Магистр ответил вначале только веками. Но потом, подумав, сказал:

– Хан схватил Кориата и выдал его Симеону.

Как особо доверенное лицо магистра рыцарь знал об этой поездке. Поэтому был настолько удивлен таким сообщением, что даже приподнялся. Но магистр осадил его движением руки, сказав:

– Ты чему удивился? Для нас это, пожалуй, даже лучше. Хотя...

– Я думаю, Олгерд был настроен идти на Московию, – проговорил Конрад, испытующе глядя, как отреагирует магистр.

Тот ухмыльнулся, потер лоб. Покрутив завиток своих длинных волос, проговорил:

– У Олгерда зачесались руки. Если это не удалось с Ордой, он может повернуть к нам.

– Да-а, – произнес Конрад, глядя руками блокотницы кресла.

Потом, ударив по ним, заметил:

– Пока Литва мечется в выборе религии, она нам не страшна, то есть не очень страшна, – поправился Конрад, – на худой конец, нам всегда помогут и поляки, и венгры. Да, думаю, и чехи не останутся в стороне. А вот Московия... – Конрад не стал договаривать, оставив домысливать эти слова магистру.

– Да-а. – Магистр поднялся и встал рядом с креслом.

На его лицо падали солнечные лучи, отчего он стал выглядеть, как оконфузившийся человек. Глядя на него, Конрад не смог сдержать улыбки и фыркнул. Магистр что-то подумал и сел.

– Да, – на этот раз он сказал это слово резко, – Московия стоит на нашем пути. Как, граф, – почему он так обратился, для Конрада осталось загадкой. Рыцарский статус не позволял такого выделения, тут все были равны, – вы думаете, нынешний князь Симеон не слабее своего отца?

Конрад задумался. Слухи, которыми он располагал, исходили главным образом от торгового люда, могли быть и необъективными. Но кое-что он все же знал.

– Я думаю, – взор графа проходит мимо магистра, – э... он не слабее Калиты. А может, – рыцарь отвел взгляд от угла, посмотрел на магистра и прищурил один глаз, – даже в чем-то сильнее.

– Да? – удивился магистр, играя пером, извлеченным из чернильницы.

Бросив это занятие, он в упор посмотрел на Конрада. А потом спросил:

– А в чем?

– В чем? – Рыцарь заерзал в кресле. – Ну, хотя бы в том, что он довольно умело избегает войн, в то же время заставляет своих врагов принимать его условия.

– Это верно! – И магистр, как копье, вонзил перо в чернильницу. – Знаю, как он поступил с новгородцами, заставив их ползти к нему на коленях, – и рассмеялся.

– Вот видишь, – почти радостным голосом заговорил Конрад, – и ваше преосвященство хорошо знает своих врагов.

Магистр покосился и проговорил:

– Врагов надо не только знать, но и... уничтожать! – Сказав это, он стукнул кулаком по столу.

– Надо, – поддакнул Конрад и, оглянувшись на дверь, прошептал: – У нас есть такой человек. – Он еще раз оглянулся, привстал и произнес: – Обно!

– Да? – спросил магистр. – А что он может?

– Все! – ответил Конрад. – Отравить, заразить, убить...

– Ха! И ты молчал! – недовольно высказал Генрих фон Арфберг. – Пришли-ка ко мне этого... своего Обно!

– Хорошо, ваше преосвященство. Разрешите удалиться. – И рыцарь нетерпеливым взглядом посмотрел на магистра.

– Мы, Конрад, еще не все решили. Я думаю, что нашим более надежным союзником против Московии может стать... – Он замолчал и уставился на Конрада.

Тот напряг свой изощренный ум. Но придумать ничего не мог. И... пожал плечами.

– Шведы! – вырвалось у магистра, и он выхватил перо.

– Шведы? – уныло произнес Конрад, а про себя подумал: «Шведы... к ним надо ехать морем! А моря я боюсь. Неужели... я так старался...»

– Да, друг мой. – Магистр поднялся, подошел к рыцарю. – Я думаю послать к нему секретную миссию. Не хотелось бы, чтобы наших соседей насторожила твоя поездка.

«Моя поездка!» – с ужасом подумал Конрад. С его языка готов был сорваться поток слов, чтобы отговориться от этой поездки. Но строгий холодный взгляд магистра вмиг охладил рыцаря. «А, будь что будет», – подумал он про себя и сказал:

– Готов, ваше преосвященство, выполнить любое ваше поручение.

– Вот и хорошо, дорогой Конрад. – Магистр встал, подошел к Конраду и положил руку ему на плечо. – Другого я от тебя и не ожидал. Да и кому другому я могу доверить столь ответственную, сколь и секретную миссию?

Эти слова ободрили фон Вернера. Ради такого доверия он готов мчаться не только в Швецию, но и в пасть любого заморского чудовища, о коих был наслышан, но коих никогда не видел. Поднялся и Конрад. Они были почти одинакового роста, и взгляды их встретились. Что он прочел в глазах своего шефа, осталось загадкой. Но Конрад вдруг спросил:

– А как... с Францией?

Фон Арфберг все понял:

– Это потом. Вначале – шведы.

– Разрешите идти? – В голосе Конрада сквозило недовольство.

Вероятно, магистр почувствовал, что тот недоволен ответом, и, чтобы не обижать своего посланца, захотел объяснить, почему откладывается эта поездка.

– Понимаешь, дорогой мой Конрад, поиск этой Чаши, насколько я знаю, весьма опасное и трудное дело. Тут все надо проверить и взвесить.

– Магистр! – Конрад повернулся к нему. – Я столько раз все взвешивал и проверял, что граф Э...

– Я понял, – перебил Генрих, – успел умереть! Это я слышал, – спокойно произнес магистр, – но то, что он знал, надеюсь, вы успели выведать?

– Успел! Успел, – ответил Конрад. – Да, вот еще что. Только, ваше преосвященство, не подумайте ничего дурного. Это только ради авторитета нашего ордена.

Магистр внимательно посмотрел на Конрада:

– Говори, – видя, как тот мнется, произнес Генрих.

– Да я... ну... может, лучше будет послать гонца... А? Думаю...

– Стой, – перебил магистр, – гонца? Куда? В Стокгольм?

Конрад кивнул.

– Конрад! – Магистр вскинул руки. – Ты забыл наш разговор. Мы же говорили о строгой тайне твоей поездки. Пошлем гонца – через неделю все в округе будут знать. Вот тут Олгерд и подумает, что ему делать. Ты понял?

Тот нехотя кивнул.

– Вот и хорошо. Да хранит тебя Бог! – И перекрестил Конрада перед тем, как с ним расстаться.

Но прежде чем закрыть двери, магистр почти крикнул Конраду, который уже шагнул через прихожую:

– Так не забудь прислать мне Обно.

Конрад не останавливаясь, на ходу, обернулся и кивнул.

Придя к себе, Конрад бросился на лежак и, закрыв глаза, стал обдумывать свою поездку. «Кого же взять? Магистр хочет все сохранить в тайне. Понятно. Поэтому большого отряда не даст. Кого же взять?» И вдруг он вспомнил о пруссе и русском, которые спасли ему жизнь. «Да, вот таких бы... Но где их взять?» Так ничего и не решив в этот вечер, он вскоре уснул. И увидел страшный сон. Будто он уже на судне, в море. А волны с каждым мгновением все усиливаются и усиливаются. Они бросают корабль, как щепку. Команда решила бежать с корабля и стала садиться в лодку. Когда и он туда полез, его грубо оттолкнули. А на корабле без команды – гибель.

От ужаса он вскочил. Первое мгновение ему показалось, что его «каюта» качается из стороны в сторону. Это свеча от резкого движения заиграла пламенем.

– Ух! – вырвалось у него, когда понял, что это был сон.

Первое время он боялся лечь, думая, что ему опять может присниться что-то страшное. Но не заметил, как заснул.

На следующую ночь, отобрав трех старых рыцарей, которые еще строго исполняли рыцарские заповеди, он отбыл на север. Чтобы никто его не узнал, он назначил одного из трех, Августа, старшим. А сам стал держаться в сторонке, порой играя роль прислужника. Так они добрались до взморья. Август долго искал корабль. Их расхватало купечество, торопясь до зимы расстаться со своим товаром. Наконец Август привел невысокого коренастого мужика с кривыми татарскими ногами. Хотя на улице светило солнце и было довольно тепло, моряк был одет в грубый льняной плащ с капюшоном, который прикрывал верхнюю часть его лица. Август, поглядывая на своих товарищей, объявил: «Капитан». Начался торг. Тот загнул немалую деньгу. Август и его друзья уперлись. Капитан уже махнул рукой и, сказав: «Да пошли вы морем», хотел было уйти. Но человек, который до этого не ввязывался в их разговор и которого капитан принял за служку, вдруг произнес:

– Стой! Мы плывем.

На что капитан ответил:

– Морем не плывуть, а ходить.

Глава 3

Погода совсем испортилась. Снег под вой ветра шел сплошной стеной, хоть разгребай его на лету лопатой. Дышалось тяжело. Снег забивал ноздри, слепил глаза. На усах и бороде быстро нарастали сосульки. Сквозь эту снежную пелену упрямо пробивался какой-то отряд, состоящий из двуконных возов с поклажей, кибиток и всадников. Все возы и кибитки, чтобы не потеряться в таком кошмаре, были привязаны друг за друга.

Первый всадник остановил коня. К нему подъехал другой и, делая рукавицами трубу, крикнул на ухо:

– Тя, Камбила, не докличешься.

Того, кого назвали Камбиллой, быстро прячет ухо за высокий воротник. Теперь его очередь кричать:

– Че надоть, Игор?

– Надоть обоз взять в кольцо! – что есть силы кричит Егор. – А то можем растеряться!

– Я понял! Давай! – ответил тот.

Они долго возились, чтобы это сделать. Потом стали считать людей, лошадей, возы, повозки. К счастью, никто не потерялся.

Бабы с детьми попрятались по кибиткам, а мужики, накормив лошадей, укладывали их на снег и сами прятались рядом с ними. Егор и Камбила вызвались нести охрану. Всякое может быть. Зверья тут разного полно. А у них в санях – связанные овцы, козы. В мешках, чтобы не визжали, свиньи. В клетках, закрытых холстом, куры да гуси. Собаки – и те привязаны, чтобы ветер не унес. Да и люди, чтоб не сбежали. В такой стихии дорогу назад не найдешь. Кое-кто уговаривал хозяина не брать с собой это богатство, мол, в Московии этого добра хватает. Он же заявил:

– Я его с родной земли привез и не брошу!

Спорить с боярином никто не решился. Егор же его поддержал. Однако на такую погоду никто не рассчитывал.

Завывание бури было переливчатым. Оно напоминало то вой волчьей стаи, то разгневанного медведя. Просто шабаш нечистой силы. Ночь пролетела незаметно, вся в работе. Приходилось откапывать людей, скот... Даже не верилось, что такое может случиться. С наступлением дня буря, точно вспомнив, что ее ждут в другом месте, умчалась, как и пришла, в один миг. Но оставила после себя мороз. Вначале легкий, даже приятный. По мере того как светало, мороз быстро набирал силу. Люди Камбиллы принялись раскапывать засыпанный обоз, поднимать лошадей. Когда все было сделано, Камбила приказал зарезать свинью и отправил нескольких мужиков в ближайший лес за дровами.

Вскоре изумительный запах наполнил всю окружающую местность. Прибежала какая-то собачонка. Грозно полаяв, она, точно готовясь к нападению на чужаков, поскребла лапами снег и... вдруг жалобно закулила, выпрашивая кусочек мяса. Получив его, быстро расправилась с ним, твякнула благодарно и, весело барахтаясь в снегу, взяла направление к месту своего обитания. Ее появление обрадовало всех: значит, где-то недалеко чье-то жильё. Они спасены. А то было растерялись: куда же путь держать? Вокруг все побелело, ничего не разберешь.

Камбила подозвал Ютона и приказал ему проследить за собачонкой. А пока тот выслеживал, Камбила и Егор решили попробовать, как пойдет обоз при таком снеге. Оказалось, что даже о двуконь тащить такие сани очень тяжело. Что делать? Егору что-то пришло на ум.

– Дай-ка топор! – произнес он.

Получив орудие, он молча направился к лесу. Вернулся весь в поту, таща за собой два ствола, обрубленных от сучьев. Мужики недоуменно поглядывали на него. Он работал споро. Расчистив площадку, разрубил стволы пополам. А затем эти половинки расщепил. Долбил

сделал на них углубления. Вырубив колышки, забил ими эти углубления так, что остались торчать только их концы. На них он насадил другую половинку дерева. Эти щиты соединил одной стороной, другую развел, укрепив поперечиной. Получилось нечто вроде носа лодки, только без днища. Там он с двух сторон пробил отверстия и пропустил крепкую волосяную веревку. Привязав к ней постромки, погнал лошадей. О чудо! Они легко разгребали снег. По их следу возы пошли гораздо легче. Теперь нужно было узнать, куда ехать. Пурга все обрядила снегом, сделав местность однообразной.

К этому времени вернулся Ютон. С необычно вытаращенными глазами он торопливо, взволнованно стал рассказывать о таинственном месте, где пропала собачонка. Егор с Камбиллой решили сами убедиться, что это за загадочное место. Идти по следам Ютона было легко. Пройдя по просеке, они оказались на поляне. Никакой деревни и в помине не было. Камбила тяжело вздохнул и жалобно посмотрел на Егора. Глаза у того были прищурены, как у охотника, готовящегося пустить стрелу.

– Постой-ка, постой-ка, – проговорил Егор, упершись ладонью в грудь Камбиллы.

И потом неожиданно воскликнул:

– Естить!

– Че-че? – удивленно спросил Камбила.

Но тот вместо ответа показал рукой:

– Смотри!

Камбила пригляделся, и у него шапка поднялась на голове. Из-под снега столбом поднимался ... прозрачный дымок.

– Естить! – повторил Егор и потащил Камбиллу за собой.

Когда они подошли, то увидели в снегу прожженное отверстие. Снег был настолько глубокий, что занес даже трубу.

– Ей! Ей! – крикнул в нее Егор, согнувшись в три погибели.

И оттуда ответили:

– Четь надоть?

У Камбиллы округлились глаза.

– Вылазь, хозяин, слово хочу молвить! – прокричал Егор.

– Щас, – прогудело изнутри, как удар барабана.

Это «щас» длилось довольно долго, прежде чем кромку снега пробила чья-то голова в мохнатой шапке со снежным конусом на ней. За головой появилась рука с толстыми корявыми пальцами.

– А ну, пособи, – проговорила шапка.

Егор помог хозяину подняться. Каково же было их удивление, когда они узнали в нем охотника, которого поранил медведь. После первых слов удивления Камбила спросил:

– Так и живете?

На что шапка удивленно ответила:

– А че?

Егор пояснил, что на Руси таких деревень много. Избы они зарывают почти все в землю. Так теплее, но главное, не так заметны. Татары заставили, уж какой век грабят. А зима для них – самое подходящее время.

Когда мужик пришел в их стойбище, огляделся, то оказалось, что в этой мгле обоз сбился с пути и... повернул в обратную сторону. Он вывел их на правильную дорогу и проводил несколько верст. Расставаясь, Камбила и Егор поинтересовались, как жив его товарищ. На что мужик пожал плечами, мол, не знаю. Потом добавил:

– А че с ним станитса?

Отблагодарив серебряной монетой за подсказку, пришельцы, направились своей дорогой, но их остановил крик мужика:

– Эй! – И он махнул им рукой.

Тем пришлось остановиться.

– Дать, забыл было, – проговорил он, когда подошел и рассказал об отряде, который им попался навстречу.

За то, что он направил отряд совсем в другую сторону, Камбила наградил его пригоршней серебра. Поблагодарив его еще раз, они тронулись в путь, рассуждая меж собой, кто бы это мог быть. Камбила даже заявил, что искать их в этой стороне никто не мог. Они же выезжали на запад. Но Егор возразил:

– Не считай Федьку за дурака, – проговорил он, – он жить знает, че тебе тама делать неча!

Камбила оценивающе глянул на друга. На что Егор сказал:

– Дай-ка мне пару десятков воев, я их постерегу.

– И я с тобой, – заявил Камбила.

Егор покачал головой:

– Нетушки, а кто обоз поведеть?

Камбила вынужден был согласиться.

Отъехав несколько верст, Камбила стал часто оглядываться назад. Наконец не выдержал и остановился. К нему подъехал пожилой прусс.

– Что, хозяин, никак хочешь вернуца?

– Ты прав. – Камбила положил ему руку на плечо. – Веди дальше, а я... – И он махнул рукой в обратную сторону.

– Я тя понял, – усмехнулся прусс, – на выручку.

Камбила не ответил и хлестнул коня.

Егор был прав, говоря, что Федор не был дураком. О скрытном отъезде боярина Гланда Камбилы он узнал только через несколько дней. И только благодаря купчине Григорию Ляпе. Тот пришел к посаднику с тайным намерением хвастнуть своим новым приобретением. Как же! Он будет теперь жить в хоромы боярина Гланда Камбилы. И еще была просьба – разрешить ему открыть лавку на территории детинца. Настроение у городского главы было приподнятое. Московский князь Иван покинул Новгород, отказавшись помогать новгородцам в битве со шведами. Но глава времени не терял и послал гонца в Псков. Те дали добро, но просили направить к ним верного посаднику человека. Они хотят поставить ряд условий. В общем, ответ соседей главу удовлетворял. Он даже радовался, что вместе с псковичами утрет нос зажавшимся москвитам, заранее надеясь на победу. Послать же на переговоры решил боярина Осипа Захаровича. Хоть и бывает он иногда упертым, но мужик с головой. Лишнего не отдаст. Да и спорщик неплохой.

Под это радостное настроение Ляпа сразу получил «добро». И как было тут не попросить посадника, чтобы тот осмотрел новое приобретение купца? Приглашая Федора на смотрины, купец весь сиял. Еще бы! Теперь он не хуже любого боярина. А может, и... лучше. Не всяк мог купить эти хоромы. Прусс запросил изрядную сумму. А купец торговаться не стал. А вдруг кто перебьет? Подъезжая к новому Ляпову жилью, Федор закрутил головой. Место было знакомо. Неужели... Когда подъехали к воротам, Федор совсем уверился в том, что это жилье Камбилы. Но для чего-то спросил:

– Уж не у прусса ли приобрел? – И как-то странно посмотрел на Григория.

Но тот не обратил на это никакого внимания и торжественно произнес:

– У боярина Гланда Камбилы.

Посадник чуть не вывалился из повозки. Потом рывкнул:

– А где этот чертов Камбила?

От такого тона купец подался назад:

– Так он... того... уехал, – залепетал тот.

– Как «уехал»? – подскочил Федор.

Купец пожал плечами.

– Давно?

– Дня три, четыре.

– Назад вертай! – вновь заорал Федор, на этот раз кучеру.

Подъехав к себе, он выпрыгнул из кибитки и, прежде чем захлопнуть дверцу, бросил:

– Нету тебе здесь никакой лавки. – Плюнул и торопливо открыл дверцу.

Поднявшись к себе, Федор сбросил в сердцах свой тулупчик на стол и заходил по комнате, приводя мысли в порядок. Первое, что пришло ему в голову, это снарядить погоню. Он был уверен, что с ним уехал и Егор. Он вызвал к себе Андрюшку, которому приказал готовить дружину в погоню за Камбиллой и Егором. Федор сразу угадал, куда могли направиться эти двое. Хотя ему потом сказали, выезжали они через западные ворота.

– Сбить с толку! – решил посадник, еще больше уверовав в то, что они бежали на восток.

Правда, на всякий случай послал он небольшой отряд и на запад. Но те вскоре воротились ни с чем, никаких следов они обнаружить не смогли. Федор потирал руки:

– Нет, Андрюха их разыщет. Они еще ответят у меня за все!

Глава 4

На несколько дней в Москве прекратилась вся внешняя жизнь. Невиданный снежный буран, принесенный западным ветром, буйствовал над столицей. Он был настолько силен, что вырывал из рук людей охапки сена, которые те пытались донести до своих животных. Люди боялись отойти на несколько шагов от жилья: не дай бог, еще унесет. Ветер валил с ног, забивал глаза, невозможно было сделать и несколько шагов. И под каждой крышей стала рождаться страшная мысль: конец света.

Не знали, что делать, и в хоромах великого князя. Долго терпел Симеон Иоанович, ожидая окончания невиданного досель природного буйства. Но не вытерпел и стал собираться, чтобы сходить за митрополитом, и уже в церкви вместе с ним просить Всевышнего о пощаде. Снаряжался он основательно. Надел из мягкой телячьей кожи штаны, спрятав под ними мягкие катанки. Поверх рубахи – суконник. А на него – шубу задом наперед, чтобы грудь не застудить. На голову надел шапку и повязал ее у горла. Лицо обмотал сюрогой, оставив только щелки для глаз. Не забыл собачьи рукавицы на веревке. Когда появился у митрополичьей обители, всех до ужаса напугал. Это был живой снежный ком. И только княжеский голос привел чернецов в чувство.

Феогноста застал в его домашней молельне. Узнав князя по голосу, митрополит поднялся с колен и подошел к нему. Тот успел снять шапку и развязать сюрругу. По лицу митрополита было понятно, что тот весьма доволен приходом великого князя. Он понял, зачем тот пожаловал, но все же спросил:

– Уж не в Успение ли Богородицы хош меня позвать?

– Туды, владыка, туды! – И кивком головы подтвердил свои слова.

Митрополит посмотрел на окно: за ним была сплошная чернота. Он какое-то время был в раздумье, потом сказал черницу, выглядывавшему из-за спины великого князя:

– Неси одежонку в опочивальню.

Митрополит собирался долго. В его одевании принимал участие сам князь. При виде такой заботы по сердцу владыки разливалась благодать. Чернецы их проводили до храма.

На крылец они вышли с молитвой.

– Ослаби, остави, прости, Боже, прегрешения наша, вольная и невольная... – Вой ветра и снег, забивающий рот, заставил их замолчать.

Войдя в храм, они были ошеломлены: он был забит народом. Стоя на коленях, все самозабвенно молились. Молитва усилилась, когда люди увидели митрополита и великого князя, которые тотчас присоединились к молящимся. Молитва была долгой, сосредоточенной. Когда вышли на улицу, им показалось, что ветер несколько поутих. Один чернец вызвался проводить князя. Он попрощался с митрополитом, прижавшись щекой к его щеке. Молились они не зря. На следующий день ветер начал стихать. А после обеда вся Москва, вооружившись лопатами, расчищала проходы.

Когда жизнь потихоньку вошла в свою колею, Симеон велел пригласить к себе Дементия Давыдова и Юрия Воробьева. И те узнали от князя, что он хочет послать их с письмом к константинопольскому патриарху.

– Я давно думал, кого послать, и выбрал вас.

При этих словах князя они благодарно склонили головы. Симеон не стал скрывать от них, что прописано в послании, и пояснил, что митрополит отказал его венчать, объясняя это тем, что раз он неразведенный, то вторично венчать нельзя. А разводиться не хочет, говоря:

– Бог терпел и нам велел. А я ее видеть не могу, – проговорил князь таким голосом, что его нельзя было не пожалеть, – это змея, а не человек. У ней и тело змеиное: холодное, шершавое.

Говоря эти слова, князь смотрел куда-то в сторону, не видя, как его приглашенные изменились в лицах. Слышать такое от великого князя... От этих слов им стало не по себе. Но и уйти не могли.

– Ну... – Князь повернулся к ним. По его взгляду можно было понять, как бушует в его груди неугасаемая боль. – Я надеюсь, что вы сможете уговорить патриарха. – Теперь в его голосе звучали нотки надежды.

Дементий был побойчей. Он поднял голову:

– Мы, великий князь, постараемся. Но... – Он замялся.

Князь впервые улыбнулся:

– Вы все получите!

Симеон понял, что Давыдов хотел намекнуть на подарки.

Когда этот вопрос был утрясен, встал второй: добираться туда – дело долгое. Князь подошел к окну. Окно более чем наполовину было занесено снегом, отчего в светлице было темно, и Симеон приказал зажечь свечи.

– Да, долго придется ждать, – проговорил Симеон.

– Чего, великий князь, ждать? – не поняли присутствующие.

– Ждать? – Он повернулся к ним. – Когда наладятся дороги и вернется князь Пожарский.

– Он тоже с нами? – Те переглянулись меж собой.

– С вами, – пояснил Симеон, – но только как провожатый. Он знает быструю дорогу.

Те опять украдкой посмотрели друг на друга. Их можно было понять. Они были удивлены тем, что князь Пожарский будет сопровождающим. Перед уходом князь им сказал:

– Мне нежелательно осложнять отношения с митрополитом. Я на него зла не имею. В какой-то мере он прав. Он подчинен своим канонам. Хотя, побывай он в моей шкуре... – Князь не закончил, перейдя к другому. – Поэтому раньше времени не хочу, чтобы он на меня стал сердиться, узнав о вашей поездке.

– Мы поняли, великий князь, – в один голос заявили те, – об этом не будут знать даже наши жены.

– Вот и хорошо, – сказал князь на прощание и пожал им руки.

Выйдя от князя и идя переходом, они столкнулись с женщиной странного вида. Худая, глаза смотрят исподлобья, губы узкие. Дементий толкнул локтем Воробьева и, быстро склонившись, прошептал ему на ухо:

– Она!

Тот даже оглянулся, когда вышли на крылец. Воробьев еще раз оглянулся и тихо произнес:

– Сушая змея! Терь понятно желание князя!

Князь, оставшись один, улыбнулся. Потом, глянув на икону, крестясь, произнес:

– Прости, Господи, душу мою грешную... не оставляй меня, помоги! Слава те, Господи!

Подумав, чем бы заняться, он услышал чьи-то тяжелые шаги: «Неуж Василий? Никак что стряслось». Князь не ошибся. На пороге появился боярин Кочева. Шуба распахнута, по лицу ручьями бежит пот.

– Дозволь, князь! – сказал он.

– Входи! Входи, боярин. Да шубу сымай. Эй! – крикнул он.

В дверях появился молодой парень.

– Помоги боярину раздеться!

Задрав полу кафтана, боярин достал лоскут ткани и принялся вытирать им лицо.

– Ну, снега! – проговорил он. – Наделает он весной делов! Фу, – отдышался он и сел в кресло.

Князь опустил напротив и спросил:

– Никак что случилось?

– Случилось. – Боярин опять стал обтирать лицо и сказал: – Помер Миняй.

– Миняй помер? – переспросил князь.

– Да, князь. А послужил он Московии немало, – вздохнув, повторил: – Немало! – пряча тряпицу, проговорил: – Не мала и его заслуга, че на Руси тишина. Ой, как ен старался!

Князь быстро поднялся, обошел стол и, подойдя к боярину, оперся о спинку и поручень кресла.

– Знаю я, Василий, знаю. Если можешь, пошли со мной к боярыне. Чай, она убивается.

Боярин крякнул и поднялся.

– Пошли князь, пошли.

На этот раз Симеон никого не позвал, а сам помог боярину надеть шубу.

Двор Миняя был далековато от княжеских хором. Поэтому, выйдя на улицу, князь спросил:

– Пойдем аль поедем?

– Пойдем, князь, пойдем. Глянь, какая погодушка-то.

Небо было чистое, отливало голубизной. Сияло солнце. Правда, не грело. Морозец шутиливо хватал за щеки. На дороге было много людей. Встретились и дружинники. Ими командовал молодой воевода Иван Акинфович, младший брат Федора.

Двор Миняя был занесен снегом. К крыльцу вела протоптанная тропинка. Дойдя до середины, князь остановился, обходя хозяйство Миняя. Оно было весьма неказисто. Дом перекошен от времени. От некоторых построек остались только стены. Князь поморщился, но ничего не сказал. Когда вошли в дом, какой-то монах проводил их в светлицу, где стоял гроб с телом покойного. Было тихо. Вокруг сидели бабы. Но стоило им увидеть вошедших, как они заголосоли надрывно: «Да на кого ты оставляешь нас, да как мы тя любили, да как нам без тя...» Князь подошел к изголовью, преклонил колено, перекрестился и поцеловал покойника в лоб. Поднявшись, он отступил на несколько шагов и осмотрел бегло светлицу. Стены давно не белены, окна перекошены.

Когда они прошли за ворота, князь остановился и оглядел двор:

– Бедновато! – произнес князь. – Деньгу, наверное, в кубышку прятал.

Сказав, посмотрел на Кочеву. И... не узнал его. Таким осуждающим взглядом тот смотрел на князя, что хоть сквозь землю провалиться.

– Ты че, боярин? Я знаю, отец ему хорошо платил.

– Хорошо платил, – грубо ответил, даже дерзко, боярин, – а знаешь ли ты, князь, куды он пускал эту деньгу?

Князь даже оторопел:

– Куды?

– А туды! Ты прости меня, великий князь. Но знай. Свои деньги, да светлая ему память, он отдавал... Орде!

– Орде?

– Орде! – с вызовом повторил боярин. – Спасая этим Московию от бед.

– Это как? – спросил князь не без удивления.

– А так! Стоило какому-нибудь обиженному мурзишке шепнуть что-то на ухо хану, того и гляди, войско пошлет.

– Но Калита-то давал.

– Давал, давал... Но... уж больно Орда ненасытна.

– И он... свои... Почему?

– Да потому, князь, че он любил свою землю, любил свойво князя!

– Ведь вот какой человек. А ты живешь рядом, а не видишь.

– А потому, князь, что он русский. А мы, русские, все такие!

Князь посмотрел на Кочеву и, опустив голову, пошел дальше.

Повстречав Ивана Акинфовича, он подозвал его и попросил:

– Пошли самого шустрого за Борькой Семеновым, пушай бежит ко мне!

Борис Семенов, сборщик податей и казначей, примчался к князю в одной овчинной безрукавке, в летнем колпаке на голове. Видать, так торопился, что схватил то, что попало под руку.

– Слушаю, великий князь! – переведа дыхание, промолвил он, наклоняясь в поклоне.

– Выдай Миняевой боярыне триста рублей.

– Триста?! – Борис в ужасе отступил с дороги и провалился по пояс в снег.

– Да, триста! – громко, ясно произнес князь и пошел вперед.

Семенов взглянул на боярина. Кочева радостно подмигнул ему и шепнул:

– Я же дам еще пятьдесят! Ступай! – и толкнул его в плечо.

Придя к себе, князь долго не мог успокоиться. «Оказывается, какие есть люди! Да-а... Вот такой, пожалуй, и Пожар... Снаряжу-ка я к нему посланца», – решил Симеон.

Добраться до Пожар при такой дороге, вернее, ее отсутствии, посланцу потребовалось более десяти дней. Не давая посланцу отдыха, через пару часов небольшой отряд, человек семь, во главе с Пожарским мчался во Владимир, чтоб через него держать путь на Москву.

Когда Пожарский появился перед великим князем, тот не скрыл своего удивления:

– Уже... – только и мог он произнести, по-товарищески обнимая Андрея Федоровича.

– Слушаю тебя, вели...

– Ну-у! – развел руками Симеон.

Пожарский виновато улыбнулся:

– Поотвык, – произнес он и повторил: – Слушаю тебя, князь!

Тот все ему рассказал.

– Симеон. – Андрей назвал его по имени, чем вызвал добрую улыбку на лице великого князя. – Я пойду Доном, на чайках. Для этого надо, чтобы прошел лед.

– Ты думаешь, так быстрее? – склонив голову, спросил князь Симеон.

– Не думаю. Знаю! – ответил уверенно Андрей.

– Понятно! – Симеон прищурил глаза, глядя в пол. – Ждем весны! – поднял он голову.

– Приходится, – сожалея, произнес Пожарский, – зато надежно. Почти надежно! – поправился он.

Симеон вопросительно посмотрел на него.

– Все, князь, в руках Божьих. Это – дорога. Всяко может случиться, – проговорил Пожарский.

– Не дай Бог! – Симеон посмотрел на икону и осенил себя крестом.

Пожарский понял, что князь хочет приблизить этот срок. И он вполне его понимал, вспоминая, как хороша была Мария.

– Симеон, – заговорил Пожарский, – как только зажурчат ручьи, через десяток дней мы будем на месте и сразу начнем готовиться. Только...

Но Симеон не дал ему договорить, поняв, что тот хотел сказать:

– Они предупреждены мной, так что не беспокойся.

Провожая его до двери, на пороге Симеон придержал гостя за кафтан:

– Ты прости меня, Андрей, что я вырвал тебя из родного гнезда.

– Князь... – Пожарский приложил руку к сердцу. – Служение тебе, моей родной земле я считаю за счастье. И я рад, что повстречался с тобой. А за дело ты не беспокойся.

Симеон вдруг рассмеялся. Брови Пожарского поднялись.

– Да это я представил твою прелестную Дарьюшку, как она ругает меня.

– Князь... – Голос Пожарского серьезен. – Моя жена и я очень любим свою землю и рады, что можем служить тому, кто бережет и преумножает ее славу. Тебе, великий князь.

Князь еще раз обнял его.

Глава 5

Пронесшаяся метелица дел наделала. В некоторых местах столько навалило снега, что лошади порой увязали по грудь. Выбиваясь из сил, старались вырваться из такого необычайного плена. В такую переделку попал новгородский Андрей со своими воинами. Друг посадника очень хотел угодить ему, втайне надеясь, что тот поможет ему занять место посадника в одном из концов, даже не мечтая о том, чтобы стать главным.

Поимка беглецов срывалась. У предводителя зародилось подозрение: а правильно ли указал им тот мужичок, который тащил пораненного товарища. И в то же время он был в раздумье: какой тому был повод их обманывать?

– Эй, Андрюха! – услышал он басистый голос.

Придержав коня, он оглянулся. Его пытался догнать Петр, бывалый воин, на которых «земля держится». Такого не отшвырнешь.

– Че у тя? – дождавшись его, спросил Андрей.

– Секи мою головушку. – Он вытащил из тягушки ладонь и провел ею по горлу. – Но мужик соблыжничал. Если они ехали в ету сторонку, мы ба их уж настигли. С обозом не разбежися.

Андрей запустил под шапку руку и почесал голову.

– И я так полагаю. Не могли они гдей-то тута схорониться. Облыжил он нас, облыжил.

– Че, вертаем? – спросил Петр.

Андрей ответил не сразу. Подумав, махнул плетью:

– Вертаем!

Когда прослышали команду, кто-то, громко вздохнув, произнес:

– Наконец-то!

По проторенной дороге кони пошли веселей. День пролетел незаметно. Надо было устраиваться на ночлег. Андрей, оставив на дороге сторожить пару воинов, остальных увел в лес. Там теплее, почти нет ветра и дрова рядом. Знай подбрасывай.

Егор же со своими целый день просидел в засаде. Мороз брал свое. Они одубели от холода. И Егор под вечер решил пойти уяснить обстановку. Те два стража, тоже промерзнув, решили погреться. Украдкой, по одному, сходили за дровишками и в низинке, чтобы из леса не было видно, разбросав снег, развели костер. Как они его ни прятали, но отблеск был замечен издали. Его-то и увидел Егор, шедший первым. Он поднял руку, отряд остановился.

После того как Егор отправил назад догнавшего было их Камбилу, пруссы прониклись к нему особым отношением. В словах, сказанных русским их вожаку, сквозила забота о тех, кто остался в обозе. Нехотя подчинился боярин его словам.

– Вы покуда притаитесь здесь, а я схожу посмотрю, что и как.

Пруссы, прожив столько времени в Новгороде, обрусели до того, что никто бы не заподозрил, с кем он ведет разговор, понятиливо закивали головами.

Егор осторожно подбирался к костру ельником. Недалеко от него он наткнулся на многочисленные конские следы. Ему стало ясно, что здесь и остановился большой отряд. Понимая, что если в такое время горит костер, то там обязательно будут люди. Он решил захватить одного из воинов и все у него выведать. Подобравшись поближе, он, притаившись под ветвями густой ели, увидел у костра людей. Двух человек. Егор понял, что это стражи. И он стал ждать того момента, когда кто-то из них оставит пост. С завистью наблюдал, как те грелись у костра. Но вот костер начал прогорать, и надо было идти за дровишками. Как только один из них скрылся в лесу, Егор осторожно подполз и навалился на стражника со словами:

– Крикнешь – убью.

Вывернув ему руки, он связал их своим кушаком и повернул пленника к себе лицом. И... обомлел. В свете костра он узнал своего давнего товарища Дмитрия, который когда-то оказал ему услугу, взяв его на площадь детинца. Оттуда-то и началась его жизнь, наполненная разными событиями. Тот тоже узнал парня.

– Егор, ты? – растерянно-удивленно молвил он.

– Я, я! – ответил Егор и стал его развязывать.

– Ты че тут делаешь? – спросил Егор.

Тот рассмеялся:

– Да, наверно, от ты стерегу. Ты, слушок идеть, вродив тово... татью стал. Правду аль нет люди поговаривают? – спросил он.

– И ты, Димитрий, веришь? – воскликнул Егор. – Ты что, меня не знаешь?

– Я? Не-е. – И замотал головой.

В костре отгорела часть головешки и, упав, подкатилась к их ногам. Егор схватил ее и быстро швырнул в костер. Обжегшиеся пальцы воткнул в снег.

– Так че ты тохда мяя ловишь? – спросил Егор.

– Так тово... сказали, че ты... тать. Деньгу обещали.

– И сколь?

– О! Рублев пять и прогон.

– А че, деньга неплоха. Конягу купишь, – заметил Егор.

– Не. Жениться хочю, хату буду строить.

– Невеста-то есть?

Тот кивает:

– Нашать, деревенска. Настюха, – умильным голоском ответил он.

Егор почувствовал, что девица тому дорога. И тяжело вздохнул. Это заметил Дмитрий.

– Ты че? – с тревогой спросил он.

– Да... ничего. Скажи лучше, хто у ты старшой?

– Да... Андрюха. Дружок Федькин, – ответил Дмитрий и спросил: – Знаешь?

Егор отрицательно покачал головой.

– Вот че, друг... – Егор положил на его плечо руку. – Покажи мне его. За ето я те дам деньги. Хватит и на хату, хватит и на свадьбу.

Тот зачесал голову. В это время послышался шум. То ушедший страж волок лесину. Егор забеспокоился.

– Да не боись, – успокоил Дмитрий, – ето Емильян, свой парень.

Емельян, подтащив лесину, бросил ее у костра и уставился на Егора.

– А ето хто? – спросил он, поглядывая на Дмитрия.

– Ето? – и захихикал. – Да ето наш Игор.

– Игор? Какой Игор?

– Да тот, кого Федька послал ловить.

Емельян – выше среднего роста, плечист. Его неокрепшая еще борода отливала в свете костра золотистым цветом.

– Ты че, ийво поймал? – неуверенно спросил он.

– Да! – ответил Егор, наклоняясь над костром, грея руки и грудь. – Поймал.

Емельян растерянно смотрит на Дмитрия. Тот не отвечает, вынимает топор из-за пояса и начинает рубить бревно. Видать, и он промерз. Работает шибко. Щепка летит в разные стороны, знай отворачивайся. Кончив рубить, перевел дух: «Фууу!»

– Дай-ка я, – попросил Егор.

Дмитрий подал ему топор, потом посмотрел на Емельяна. Лицо того как было растерянным, непонимающим, так и оставалось.

Подойдя к Дмитрию, он наклонил его к себе и шепнул:

- Ты че брешешь?
- Брешу, брешу, – хохочет Дмитрий.
- Ей, вы! – раздался чей-то крик из леса, который простирался сразу за дорогой.
- Чево надоть? – откликнулся Дмитрий.
- Все в порядке?
- В порядке.
- А кто там у тя? – увидев третьего человека, стал допытываться Андреев посланец.
- Да, тутошный добытчик, – не задумываясь, ответил Дмитрий.
- Че он хочет? – продолжал спрашивать он.
- Да, ниче, промерз, вот и заглянул на огонек погреться.
- Пушай проваливает.
- Ладноть. Щас отправлю, – пообещал Дмитрий.

Емельян косо поглядел на напарника. И перевел взгляд на Егора. Давненько тот, видать, не держал в руках топора, соскучился. Азарт его был виден в отблеках разгоравшегося костра. Емельян, не отрывая взгляда, присел и рукой стал что-то искать в снегу. Видать, нашел. Это была увесистая бильдюга. Он подтянул ее поближе, а в голове закрутилась мысль: сдать Егора или нет? Но недолго колебался. Поднявшись, спрятал дубину за спину и стал дожидаться удобного момента.

Егор продолжал увлеченно работать. Емельян со страхом подумал: «А если... ну нет». Он скосил глаза на Димку. Тот ковырялся в костре, подкладывая чурбаны. Вразвалочку, держа дубину за спиной, Емельян направился к Егору, показывая всем своим видом, что пора его сменить. Дмитрий глянул на напарника, но не заметил ничего подозрительного. И вдруг... Он прыгнул, как барс. Дубина засвистела в воздухе. Не увернись Егор в самое последнее мгновение, бильдюга бы точно размозжила его голову. Нехилый Емельян вложил в нее всю силу. Она задела голову Егора, хотя удар смягчила мохнатая овчинная шапка. Все же Егор рухнул на снег.

Увидев расправу над Егором, Дмитрий схватил подвернувшуюся палку и ринулся на Емельяна. Но что простая палка против бильдюги? Удар обрушился и на Дмитриеву голову, уложив его на снег. Содрав с них пояса, он повязал им руки и бегом, насколько позволял снег, ринулся через дорогу к Андрею, прикидывая при этом, чем тот его наградит, кроме обещанных десяти рублей.

Услышав такую новость, Андрей открыл рот и часто заморгал.

– Игор повязан? – недоверчиво переспросил он.

Ему трудно было в это поверить. Он рычит его какой день, а он, на тебе – сам объявился.

– Не может быть!

– Да, Игор, Игор, – раздраженно повторил Емельян, – давай десять рублей, как обещал.

– Пойдем поглядим! – воскликнул один из новгородцев, успевших подойти на огонек вожака.

И они гурьбой, человек двадцать, ринулись к месту события.

Пока Емельян убеждал Андрея, Егор пришел в себя. На коленях он подполз к стонущему Дмитрию, перевернул его на живот и зубами стал развязывать его руки. Но чуточку не успел, как появилась Андреева ватага. Емельян, боясь потерять награду, первым бросился к Егору. Но, получив удар головой, отлетел на десяток шагов. Видать, удар был сильный, потому что тот не сразу поднялся. Но остальные навалились на парня. Егор пытался сопротивляться, но одолеть такую силу не смог. Были бы развязаны руки...

Его кинули на снег перед Андреем. Тот, взяв горящую палку, подошел к нему и осветил лицо. Сразу раздалось несколько голосов:

– Ен! Да че смотреть, ен!

Андрей поглядел вокруг, видать, хотел присесть. Кто-то услужливо подкатил чурбан. Усевшись, он бросил:

- Ну!
- Не запряг, – огрызнулся Егор.
- Ты смотри, – глядя на окружающих его воинов, произнес Андрей, хотевший выразить этим свое недоумение и получить поддержку дружины. – Ниче, щас я тя запрягу. – Он выхватил из костра горящий сук. – Лучи говори!
- А че говорить-то? – усмехнулся пленник.
- Зачем ты сдеса?
- Узнать, правда аль нет, че вы нас ищите.
- Узнал? – издевательски спросил Андрей.
- Узнал, – спокойно ответил Егор.
- Ну и че? – ехидничает Андрей.
- А ниче! – по-прежнему спокойно ответил парень.
- Ишь, герой с дырой. Вот привезем тя к Федору, так заговоришь.
- Не привезете, – уверенно говорит Егор.
- Ты смотри. – Андрей вскочил и пнул его ногой.
- Привезем! – усаживаясь, повторил вожак.
- Я жить сказал, не привезешь, – повторил и Егор.
- Ето пошто? – спрашивает один из новгородцев.
- А потому че, если ф я до зорьки не вернусь к своим, суды придеть отряд московитов.
- Московитов? – сразу раздалось несколько голосов.
- Да. – Голос Егора звучит убедительно, и он оглядывает окружающих его людей. – Пошто вы зашли на их землю? – сказал, а сам, прищуриив глаза, смотрит на предводителя.
- Новгородцы стали переглядываться друг с другом.
- Да врет ен, – замечает Андрей, – откель им было взятсья, – пытается успокоить заволнованных воинов.
- Как «откель»? Они шли к нам на сход.
- Э-э-э, – машет перед лицом Егора пальцем вожак. – Вы ж пошли к пруссам, да че-то вернулись.
- Ето верно! – ответил Егор. – Но встретили младшего братенка Камбила. Ен сказывал, че тевтон напал на них и поработил. Батяня ивоный погиб. Че тому делать? Он и бежал к Камбиле. Дорогой и встретились. И мы решили ехать к московитам, Федька больно вреден стал. А че бы знать, как встретют, послали вперед посланца. Как вишь, встречают неплохо, – он дергает связанными руками.
- А ты че, – спрашивает Андрей, – увязался за пруссом?
- А мы с ним братаны.
- Москва-то ответила? – поинтересовался какой-то воин.
- Ответила, – с достоинством ответил Егор. – Рады нас принять. Отряд выслали для встречи. Они уже у Камбила. А я пошел вас, дураков, предупредить, чеб не вздумали на нас напасть. Всех положат.
- После этих слов воины забеспокоились еще сильнее.
- А пошто из Новгороду бежали, как тати? – спросил Андрей.
- Вот уж нет, – мотаает головой Егор. – Не бежали! Камбила продал свой двор, тогда и поехали. А у мя ничего нет. Подпоясался – и в путь с братаном. «Бежали»... – Егор фыркнул. – Скажешь тоже. – И он полупрезрительно посмотрел на него.
- Воины слушают внимательно. Почти все сбежались.
- Ну а ты-то че? Аль спужался? – опять ехидничает Андрей.
- А че мне пужаться? – Андрей рывком поднимается, толпа шарахается в сторону. – Я ниче плохого Новгороду не сделал.
- К нему подскочил Андрей и, дыша в лицо, проговорил:

– Ты убил Федьку Дворянинцева.

– Братаны... – Егор обратился к воинам. – Развяжите руки, я крест положу на ся, че не убивал Федьку.

К нему тут же, не глядя на Андрея, подскочили несколько человек и быстро его развязали. Егор потер затекшие руки, потом снял шапку и, достав нагрудный крест, перекрестился со словами:

– Вот вам крест, не убивал я Федьку. Верите мне?

Кто-то неуверенно крикнул:

– Верим.

Его поддержало много голосов. Андрей растерялся.

– Вы че? – заревел он.

– Ты не ори, – грозно осадил его Егор, – если я не вернусь, вы здесь все поляжите. Хотите?

Толпа молчала. Но их молчание красноречиво говорило, что никто этого не хотел. Егор это почувствовал и проговорил:

– Уходите скорее! Слово даю, они за вами не погонятся.

– Да врет он все. – Андрей пытался этими словами удержать над воинами власть. – Врет он!

– Да заткнись ты! – перекрикивая его, орет какой-то воин. А затем обращается к Егору: – Скажи правду, пошто ты здесь?

– Да вас, дураков, жалею. Вон Дмитрий, мой друган. А со сколькими из вас я ходил в походы? А? – и обвел глазами толпу.

– Ходили, – враз раздались голоса.

– Вот поэтому я здесь. А вы... – с укором произнес он.

– А че я скажу... Федору? – растерянно обращаясь к своим, спросил Андрей.

– Скажешь, не нашел! – ответил за них Егор.

Все его дружно поддержали.

– Э-э-э! Вяжи его и по коням! – делая последнюю попытку не упустить свою власть, призывает Андрей.

Никто не шелохнулся.

– Вы че?! – взревел вожак.

– А то! – перебил его Егор. – Они умирать за Федькины прихоти не хотят.

– Да мы успеем... – орет Андрей.

– Ладноть, – сказал Егор, – но московиты, узнав, че вы были на их земле, дойдут и до Новгороду.

– Ну и че? – с вызовом спросил Андрей.

– А то. Ты вспомни, че сделали с Евстафием Дворянинцевым. А? – Егор смотрит в лицо Андрея.

Тот отступает. Он это хорошо помнит: выдали новгородцы старика. Исполнили веление литовца. Егор решил его добить:

– Тот литовца только псом обозвал. А ты... их землю топчишь! Понял! Вертайтесь все и молчите, хде мы. А то Федька точно вам башки поотрубает.

– Верно! – громко ответила дружина. – Пусть идет!

И Андрей сдался:

– Иди! – бросил он сквозь зубы.

– Я пойду не один. Со мной пойдет мой дружок! – И он потянул Дмитрия.

Тот, понимая, что на нем могут отыграться, с радостью согласился. Проходя мимо Емельяна, Егор остановился, почесал на голове шишак и так двинул кулачищем ему в грудь, аж кости затрещали, и он отлетел, сбивая по пути воинов, в лесную чашу.

Егора ждали. Камбила приказал остановиться. На всякий случай, вспомнив чей-то рассказ, как оборонялись татары, приказал из повозок сделать круговую укрепленную стоянку. Когда вернувшийся Егор все рассказал, Камбила схватился за живот, смеялся долго, до слез.

А потом, оставшись вдвоем, Камбила, глядя на Егора, сказал:

- Да, брат, Москва близко. Че нас там ожидает?..
- Думаю, братеньник, хуже не будет.
- Услышал бы ваш Бог эти слова!
- Скоро он будет и твой!

Глава 6

Дон встретил Пожарского и его людей радостно. Правда, князя Пожарского никто не знал, а Андрея, лихого донского казака, помнили. О нем складывали легенды. Его появление воскресило былое. Жаль, что многие не дожили до этого дня. Смертью героя погиб атаман Митяй, бросившись с горсткой смельчаков на татарское полчище, чтобы дать своим разбежаться по тайным схронам. Когда все утихло, казаки бросились в те места. Но найти следы героя не могли. Дико Поле стало его последним прибежищем.

Отпраздновав встречу, Андрей поведал причину своего появления у них. Помочь великому Московскому князю – поставил он перед ними вопрос. Кое-кто из есаулов напомнил, как московское воинство охотится за ними, казаками. На что Андрей не без улыбки напомнил:

– А как вы, казаки, охотитесь за московскими купцами?

Все дружно рассмеялись. Но Андрей, как бы между прочим, заметил, что если не сегодня, то в дальнейшем казакам без Московии никак не выжить.

– Не ослабла пока на востоке Орда, – поясняет он, – на западе набирает силу Литва, за ее спиной выглядывают поляки и тевтонцы. А это силы погрознее будут татарских. Слыхивал я, че там, в Европе, уже появились огнемётные пушцы. Я их видывал еще в Арфике. Там ее звали модера.

Казаки дивятся. Спрашивают:

– Ты в А... Ар... – запинаясь есаул.

– В Арфике, – подсказал Андрей.

– Я жить говорил: был, – подбочениваясь, говорит какой-то казак.

– Расскажи, че тама за земля, – раздались несколько голосов.

Приходится рассказывать. Дивятся казаки его спасению: ишь как бывает...

Все заканчивается тем, что рада решает послать три оснащенных чайки. И закипела на берегу Дона работа. Откапываются в снегу лодии, выволакиваются на проталины. Жгут костры, топят смолы, кипит работа. Набухли, посерели снега – явный признак прихода весны. И они не ошиблись. Багмут прогнали восточные ветры, принеся с собой черные грозные тучи, которые обильно стали поливать землю теплым дождем. Он ел снег, как изголодавшийся казак поднесенный ему кулиш. А вот уже тронулся и Дон-батюшка, унося вдаль огромные пласты льда.

Люди Андрея ходят уже небоязливо. Пообвыклись. И куда делся их внутренний страх перед неведомым словом: казак? Наоборот, в их душах стали пробуждаться понятия, что это замечательные, честные, преданные дружбе люди. А какие открытые у них души! Какая любовь к ближнему! Чего стоит только одно правило: сам умри, а товарища выручи. А что иногда... Ну что же, такова жизнь.

Крыга прошла быстро. Река очистилась, и медлить нельзя, а поэтому было решено: завтра – в путь. А сегодня в церкви прощальный молебен. Давно уж нет Перфирия. Службу ведет молодой опрятный батюшка. А кончают службу казаки словами: «Будь что будет, а будет, что Бог даст».

Быстро пронеслась ночь. И вот сто восемьдесят смельчаков рассаживаются вместе с гостями по чайкам. На атаманской чайке взвивается хоругвь. Обнажаются казацкие, да и гостей, головы. Начинается молебен. Затем кошевой машет булавой, и атаман произносит:

– Прощай, кош-мати, да хранит тебя Пресвятая Богородица!

Оставшиеся на берегу казаки вбегают в реку и толкают чайки на выход. Их подхватывают, наполненные весенней силой, еще холодные воды. Первый изгиб реки – и растаял в прибрежной дымке дорогой каждому казачьему сердцу кош.

Дементия Давыдова и Юрия Воробьева посадили рядом. Перед ними – кованый сундук под замками. В нем подарки патриаршему дому. Одной рукой каждый придерживает сундук.

Лица их побелели. Языки тщательно облизывают высохшие губы. Им страшно. Пугает широта разлившегося Дона, где далекие берега кажутся узкой, безжизненной полосой. Действует на нервы дикий крик чаек. Гости, стараясь не смотреть по сторонам, глядят на широкие, потные спины казаков, которые работают дружно, слаженно. Этим можно только любоваться, забывая о действительности. Потихоньку они обвыкаются. Появляется аппетит. И уже вяленая вобла или кусок копченого сала да сухарик кажутся княжеской пищей, а глоток воды – больше не дают – несказанным счастьем. Себя они успокаивали тем, что казаки, получившие столько же, весь светлый день неустанно занимаются греблей.

Река пустынна. В это время только отчаянные головы пускаются в плавание. Много разных бед у таких пловцов на пути. И унесенное бревно, дерево, невесть откуда взявшаяся льдина. Но только Давыдов и Воробьев об этом не знают. Освоившись, они потихоньку начинают шептаться, проверяя на груди письма. Их два. У каждого. Так советовал Пожарский. Кстати, кто он такой? Что князь, им хорошо известно. Но до... и почему он «свой» на Дону? Но... Симеон велел держать язык за зубами, а глаза – за веками. Сказано строго. Великий князь шуток не любит, когда они касаются дела.

А лодии летят, действительно, как чайки. Да и гребцы неумоимы. Берега все дальше удаляются от них. Но однажды какой-то необыкновенный запах ударил им в нос. Что это такое? Они удивленно поглядели друг на друга. Но ответа не нашли. Заметно меняется цвет воды. Он становится не то зеленым, не то черным...

Кто-то крикнул: «Земля!» Княжьи посланцы завертели головами. Приподнялись. И за казачьими головами увидели чернеющую полосу. Вдруг на передней чайке кто-то поднялся и замахал руками. Впервые казаки перестали грести. Волны развернули ладью, поставив ее боком, и посланцам хорошо было видно, как с первой ладьи несколько казаков пересели в маленькую лодчонку, привязанную за корму, и поплыли к берегу. К вечеру они вернулись, и чайки направились к берегу.

Когда они причалили и сошли на берег, то посланцам показалось, что земля колеблется в такт волнам. Но потом все обошлось и захотелось узнать, что это за земля. Один из казаков назвал эту землю Крымом. Княжеских посланцев она поразила зеленью, которая здесь буйствовала.

– Вот те на! – вырвалось у Воробьева.

– А у нас только почки набухли, – добавил Давыдов, поняв удивление своего товарища. Да только любоваться этой зеленью долго не пришлось.

Пополнены водные запасы, и казаки, помолвившись, двинулись дальше. Дементий не выдержал и спросил у казака, где они плывут.

– По морю, – ответил тот.

Небо благосклонно относилось к этой довольно странной поездке. Это подметил Воробьев, на что Дементий ответил:

– Тем самым оно благословляет княжеское желание.

– Там увидим, – философски промолвил Юрий.

Действительно, плаванье проходило днем под ясным, голубым небом, а ночью звездное небо изумляло северян своей южной красотой. Оно казалось им таким ухоженным, чистым.

Погоду они «сглазили». Легкий, освежающий ветерок вдруг начал набирать силу. До этого незаметный полет чаек резко изменился. Их надрывные крики подняли тревогу. На небе появились обрывки облаков. К чайке, где сидели княжеские посланцы, неожиданно пристала одна из лодий. Сообщение было коротким: одному из московитов надо пересечь в их чайку. Тут они впервые за все время пути увидели Пожарского. На их удивленные восклицания: «Зачем? Почему?» он ответил коротко:

– Надвигается буря! Всякое может быть.

У борта сидел Дементий. Он поднялся, кивнул на прощание товарищу и с помощью князя перебрался в их ладью.

А казаки странно засуетились. И Пожарский, и его спутники были несколько удивлены, что между сиденьями, чуть не на всю длину чаек, лежал какой-то лес: брусья и дщицы. Когда отплывали, было не до расспроса: для чего они. А вот теперь они внимательно наблюдали за действиями казаков, производимыми с этим лесом. Брусья прибили к бортам поперек лодий так, чтобы концы их выступали в море. Их соединили широкими дщицами. Получилось что-то вроде крыльев. Ценность сей выдумки они оценили, когда гигантские волны стали бросать чайки, как щепку. Но эти «крылья» не давали волнам, разъяренным и злым, перевернуть лодии. Всем пришлось усердно работать папахами, вычерпывать заливавшую их воду.

Сколько длилась эта природная вакханалия, никто не знал. Сутки, двое... Но москвиты не услышали ни одного стога, испуганного крика, жалобы. Они и сами удивлялись себе, что, забыв все на свете, не покладая рук трудились вместе со всеми. Наконец борьба казаков с морской стихией была закончена. Победили люди. Когда Пожарский огляделся, то в море оказались они одни. Куда тех раскидало, не знал никто.

Все стихло внезапно, как и началось. Умчались куда-то тучи, унося с собой карачун, обнажив небо, на котором солнце радостно приветствовало казаков. Оно было в зените, отмечая середину дня. И тут усталость взяла свое. Все поголовно, кто как, устроившись, стали засыпать. Проснулись, скорее, очнулись, на исходе второго дня. Оглядевшись, вновь не увидели соседних чаек. Живы иль нет? Но бывалые мореходцы на каждой чайке дело свое знали. Если живы, сойдемся. На всякий случай по ночам костер на носу зажигали: авось огонек увидят.

Надежда вскоре оправдалась. Нашлась одна из пропавших чаек, прилетела на огонек. И опять небо сделало так, что и Дементий, и Юрий встретились вновь. Правда, темно-каштановые волосы Дементия слегка стали отливать серебром. По такому случаю атаман разрешил налить по хорошей чарке водки и дать по куску сала.

Дни бежали один за другим. И вот, когда казалось, что плаванию не будет конца, чей-то звонкий голос оповестил: «Земля!» Дементию показалось, что он уже и забыл это слово. Но он не успел подумать, что будут дальше делать казаки, как тот же голос вновь оповестил: «Тромбак!»

– Че ето? – сунулся Дементий к одному казаку.

Тот посмотрел на него странным взглядом и ответил:

– Тромбак и есть тромбак!

Тот догадался сам, увидев далекие паруса какого-то корабля.

А на атамановой чайке состоялся по этому случаю интересный разговор между батькой и Пожарским. Прогнав казака, атаман сел рядом с москвитом.

– Ну, че, Андрей, – хитро прищурился глазки, проговорил атаман, – как думаешь, не засиделись ли казачки?

Тот намек понял, глядя на тромбак, который держался поближе к берегу. Ясно, что это был купцов корабль. Его стерегли, значит, было что стеречь.

Казацкое нутро Пожарский познал хорошо. Сейчас все их помысли о дуване. Запрети взять его – трудно предвидеть последствия. Сейчас они стараются вовсю. Но ударь по рукам... Нет! Княжеское поручение он выполнит. И только сказал атаману:

– Ну, поджигай!

Атаман все понял и враз преобразился. Взвилась ввысь харунка. Казаков не узнать! И полетели чайки с утроенной скоростью. Атаман едва успевал командовать.

– Я захожу направо!

Другие делят: кто с кормы, кто с борта.

Поздно команда тромбака увидела опасность. Капитан, видать, чтобы спастись, резко направил корабль к берегу. Да не успел. Одна чайка отсекала этот путь. А на нос уже лезут

казаки, отчаянно вступая в схватку. Да кто может выдержать напор застоявшегося казака! Его сабля мелькает быстрее молнии. Он чем-то напоминает кошку: гибок, быстр, резок. Дементий с Воробьевым только «хлопают» глазами да поглядывают на ухмыляющегося князя: че же он не остановит безобразие? А его лицо загорается боем тех, кто так решительно штурмует корабль. Ностальгия по его юности. Он чуть не смеется, видя, как команда сыплется с палубы в море, как горох. И вот ему ясно: корабль во власти казаков. Они что-то бросают в чайки, что-то в море.

Настал момент возвращения. Добра прихватили – дай боже!

– Молодцы! – невольно вырвалось у Воробьева.

Проговорив эти слова, он виновато посмотрел на Дементия. Тот заметил:

– Казаки щас вернутся, да как бы те, – он кивает на корабль, – на нас не обрушились.

И оба вопросительно посмотрели на князя. Андрей по-прежнему стоял, расставив ноги, а легкие волны покачивали чайку.

– Не догонят, – с улыбкой ответил он.

Пока казаки ловко раскладывали добычу, Дементий заметил, что будара осела наполовину. Судно умирало с достоинством, как и капитан, не покинувший свою будару. Скоро только одна, большая, мачта, как памятный крест, торчала из моря. Рассевшиеся по местам казаки уже забыли о случившемся. Поплевав по привычке на ладони, они взялись за весла. Высокие обрывистые берега с обеих сторон неприветливо смотрели на чужестранцев.

По приказу атамана чайки пристали у берега небольшого селения Баглар, где пополнили запасы воды и продовольствия. Видя мирный характер пришельцев, жители встретили их если не радостно, то доброжелательно. Там казаки подобрали провожатого, который обязался проводить их до Константинополя. Он оказался разговорчивым малым, обрадовался возможности подработать. И неплохо, как обещал главный. К тому же был знатоком не только пролива, но кое-что знал о внутренней жизни империи, которая попала в довольно трудное положение. Раздираемая раздорами вельмож, она не могла оказать достойного сопротивления наступающим со всех сторон врагам: с севера и запада – славяне, с востока – крепнущая Османия. После такого сообщения князь и посланцы понятливо переглянулись друг с другом. Лучшего путевода им не найти. По их просьбе он показал им малюсенькую, но хорошо укрытую зеленую бухточку около небольшого поселения под названием Пера.

Получив щедрую оплату, смысленный византиец спросил:

– Не желаете ли приобрести на время какое-нибудь уединенное строение?

Князь, посланцы, атаман удивленно переглянулись меж собой: догадливый малый.

– Че-то не так? – спросил он. – Тогда прощайте.

– Нет! – остановил его князь. – Мы, – он поочередно посмотрел на атамана и посланцев, – принимаем твое предложение. Подбери жилье, а заодно неплохо бы и стадо баранов. Византиец только шмыгнул носом, схватился за ветвь и ловко прыгнул на почти отвесный берег. С такой же ловкостью он поднялся наверх, используя тонкие, гибкие стволы деревьев, как лестничные перекладины.

Первое, что сделали казаки, это обмылись. Вода была теплой и мягкой. Заливчик кишел от рыбы. Так что впервые за долгую дорогу казаки до отвала наелись ухи. Кое-кто было не без выразительного лукавства посмотрел на атамана. Он понял: намекали на водку, мол, неплохо бы обмыть прибытие. Но в чужой стороне атаман не мог рисковать. Встретив его твердый взгляд, любители отвернулись.

Византиец вернулся на другой день. Причем он так торопился сообщить о своем удачном походе, что второпях, поднимаясь к ним, наступил на глыбу, которая с грохотом, напугав казаков, покатила вниз. Одно мгновение – и казаки встретили византийца ошестинившимися копьями и готовыми к бою саблями.

– Это я! Это я! – завопил он, видя такую грозную встречу.

– Ну? – недовольным и грозным тоном спросил атаман.

– Все свершил, – торопливо, чтобы замаять поднятую им тревогу, ответил тот.

– Пошли, Андрей, смотреть, – голос атамана подобрел.

Тот кивнул и пальцем подозвал Дементия и Юрия:

– С нами, – коротко бросил он.

Атаман взял еще Данилу, огромного казака с усищами на круглом загорелом лице, редкими побелевшими волосами и плешинкой на затылке. Все казаки знали Данилу как опытного, знающего толк как в лошадях, так и в укреплениях и разных строениях. Несмотря на объемность своего тела, он был подвижным, достаточно ловким человеком и одним из первых поднялся наверх каменистой гряды, окружавшей заливчик.

Как прикинул князь, от их стоянки до строения, показанного византийцем, было не больше полутора верст, что очень подходило. Весь двор был обнесен высоким забором. Когда открыли ворота и вошли вовнутрь, то были поражены: двор был заполнен овечьим стадом.

– Молодец! – проговорил Пожарский, дружелюбно теребя его косматую голову.

– А коней не надоть? – спросил византиец, глядя на них искрящимися глазами.

– И лошади есть? – удивился князь.

– Есть, пошли.

В конюшне стояло несколько экземпляров. Данило не утерпел и оглядел каждую.

– Добры коняки! – сделал он заключение.

Византиец на вопрос: до Царьграда далеко аль нет, ответил вопросом:

– А провожатого в Царьград надобно? – сказав, склонил голову в ожидании ответа.

Князь и атаман переглянулись.

– Надобно! – ответил Пожарский.

– Могу быть! – И он легко ударил себя в грудь.

– Хмм! А как тя звать? – спросил Пожарский, пытливо глядя на него.

Возраст его трудно было определить. Ясно, что не молод. Но далеко не стар. «Лет тридцать», – подумал князь. Но его юношеский задор влиял на то, чтобы уменьшить этот возраст. А практичность говорила об обратном. Так и не решив, сколько ему лет, Пожарский вновь спросил:

– Звать-то тя как?

– Да Янусом кличут!

– Скажи, Янус, сколь ты с нас взять хотишь? – полюбопытствовал князь.

Тот опять ответил вопросом:

– Так ты, – он поглядел на князя, вероятно, принимая его за старшего, – ты так и не ответил: возьмешь мя или нет?

Князь ответил:

– Но коль спрашиваю, сколь возьмешь, значит, хотим взять.

Услышав эти слова, Янус поднял на князя глаза. Они были, как две спелые влажные вишни. И тут князя заинтересовал один вопрос. Янус довольно неплохо говорил по-русски. И Пожарский спросил:

– Скажи, Янус, откель ты так хорошо знаешь русский?

– Да у нас половина жильцов – русы.

– Во как! А откель они взялись?

– Да по-разному: хто убог, хто сам остался, от купеца отстал, кого купили.

– А у тя купленный рус есть? – Князь склонил голову.

– Хмм, где я грош столь возьму? Да и че ему у мя делать? Земли у мя нетути, изба, так по-вашему, – князь кивнул, – вот и все богатство. Да вот ето строение, – он обвел рукой, – один купец оставил. Вернется, заберет, не вернется – мое будет.

– Пусть будет твое, – проговорил князь и вернулся к цене за его услуги.

– Один юк, – проговорил Янус.

Князь посмотрел на атамана. Тот пожал плечами.

– Мы не знаем эту цену, – проговорил Пожарский, – мы готовы заплатить тебе шесть десятков рублей... золотом.

Янус задумался, потом произнес:

– А че это?

Князь пояснил:

– У нас на Руси за эти деньги ты можешь купить три таких, – он крутанул головой, – двора с овцами, лошадьми.

– Три? – удивился тот.

– Три, – повторил князь.

– Ууу, – протянул Янус, о чем-то задумываясь. Затем вновь почему-то спросил, оглядев по очереди всю команду.

Не было только Данилы. Тот незаметно куда-то исчез. Зато скоро запахло жареным мясом.

– А провожать вас в Царьград надоть? Ето я за так. Я, – он постучал себе в грудь, – все тама знаю. И переправщика, и хде императорский дворец. Все.

– Ну и молодец! – Князь слегка ударил его в живот. – Будешь нашим водилой. Так? – Пожарский посмотрел на своих.

Те подтвердили кивком.

– Кажись, обед готовится, – глядя усы, проговорил атаман, нюхая воздух, наполненный пьянящим ароматом.

Данила нашелся в углу двора. Там на вертеле он дожаривал молоденького барана. Увидев их, он, довольный, стал поглаживать усищи. Когда они подошли к нему, Янус, посмотрев на Данилу, сказал:

– С такими усами в Царьград нельзя. Сразу узнають в нем казака, а их у нас не любят.

Глава 7

– Глянь-ка! – Подъехавший Камбила толкнул в бок задремавшего Егора.

Тот открыл глаза и, ничего не понимая, смотрел на товарища.

– Ты гляди, гляди. – И он рукоятью плети показал в сторону.

Там Егор увидел пятиствольную березу, два ствола которой переплелись между собой. Такое встречалось очень редко. Но дело было не в этой диковине. Ее они видели, когда первый раз пробирались в Москву.

– Москва близко! – полудетским обрадованным голосом проговорил Егор.

– Да! – кивнул Камбила и спросил: – Как ты думаешь, може, мы их оставим? – Он кивнул на обоз, тащившийся за ними. – А сами до князя? А? Тут, думаю, опасности больше нет.

Егор сдвинул назад головной убор.

– А че, давай! Куды-то селиться надоть! Вот князь и подскажет.

Камбила задумался. Потом сказал:

– А я думаю, че мы у князя про ето не будем спрашивать. Сами поищем. Нашли же в Новгороде. А если спросит – другое дело.

Взяв пару человек связными, поскакали вперед.

В Москву въезжали через Тверскую слободу.

Вскоре копыта лошадей застучали по мосткам Белого города. Они вступили в царство Кузнецкой слободы. Свое название она подтверждала свойственным ей запахом каленого железа, дымом из кузнечных горнов, громом молотов вперемежку с крепкими словами кузнецов. Вскоре слобода осталась позади, и они подъехали к реке. Миновав Неглинку по льду, выехали на берег, и оказалось, что им надо переехать еще одну реку, Москву. Перед ними, на другой стороне, возвышался Кремль. По реке туда и обратно сновал народ. Были и конные.

Переглянувшись, Камбила и Егор вывели коней на московский лед. Дорога была наезженная. Прибитый снег не давал конским копытам скользить. Благополучно миновав реку, они въехали на Подол. Весь берег был завален лодьями, кербатами, учанами, паузками, стругами. Одни занесены снегом, над другими хозяева начали трудиться, перевернув их днищем вверх. Ближе к Кремлю – какое-то стихийное базарище. Но глядеть на него – нет времени. Солнышко уже выбирало место для ночлега. Видно, как люди начали подтягиваться к церквам на повседневную вечерню.

Когда они въехали в Кремль и подъезжали к Успенскому собору, им встретился сам великий князь Симеон Иоаннович. Он шел, держа за руку мальчика лет десяти, в окружении бояр. Они его сразу узнали, съезжая с дороги в снег. Князь прошел мимо, скользнув по ним безразличным взглядом. Пройдя несколько шагов, он вдруг остановился и, оглянувшись, стал пристально всматриваться во всадников. Те не знали, что делать: слезать с коней и идти навстречу или... Но действия князя сами подсказали, что делать. Он наклонился к сыну, что-то сказал ему на ухо, развернулся и, улыбаясь широкой, доброй улыбкой, пошел им навстречу. Что тем оставалось делать? Бояре, остановившись, с удивлением смотрели ему вслед.

Встретившись, князь поочередно обнял их и, по обычаю, коснулся их щек. Это был великий знак. Поприветствовав прибывших, он отступил на шаг и, оглядев по очереди каждого из них, с улыбкой спросил:

– Совсем?

– Совсем, великий князь, – выдохнули они.

– Вот и хорошо! Я вернусь, – он показал на церковь, – и мы поговорим. А сейчас идите ко мне. Где мои хоромы, знаете.

Оставив своим сопровождающим коней, ободренные такой встречей, они направились к княжеским хоромам.

Сами того не зная, они почему-то пользовались у князя особым расположением. Это показал вечер, когда он с ними отужинал. Этого мало кто достаивался. Но ни жены, ни детей с ним не было. Расспросив, как они доехали, князь поинтересовался, как в Новгороде отнеслись к их отъезду. Пришлось все подробно рассказывать. Князь слушал внимательно, иногда хмурился.

Гостям стало понятно, что князь, принимая их от всего сердца, все же не хочет ссориться с новгородцами. Узнав о встрече Егора с Андреем, князь смеялся от души. Отсмеявшись, сказал:

– Надеюсь, что все обойдется. Я вас в обиду не дам.

Словно вспомнив что-то, взял колоколец и позвонил. Тотчас появился юноша и, склонившись, произнес:

– Слушаю, великий князь.

– Позови ко мне дьяка.

Удивительно, но Нестерко появился так быстро, словно дожидался приглашения за дверью.

– Петр, – повернувшись к вошедшему, произнес князь, – устрой на ночлег моих гостей. А где... э... жены? – Он обернулся к гостям.

– Моя там... в кибитке. А он, – Камбила кивнул на Егора, – пока... холост.

– Ниче, – подмигнул ему князь, – такому мы быстро найдем женку. Жену заberi, – сказал князь Камбиле. – Остальным, где располагаться, покажет Петр. Да... еще, – он смотрит на Петра, – завтра покажешь ему, – он кивнул на Камбилу, – землю рядом с Несторовичем. Пушай начинает строиться!

Место было удивительно хорошим. В черте Белого города, там, где Неглинка впадает в Москву-реку. Прямо напротив Кремля. Камбила потом оценит это место.

– Ну, – князь поднялся, давая этим понять, что встреча окончена, – на сегодня хватит. Отдохните с дороги. Если хотите, Петр вам мыльню устроит. А завтра будет повстречанье. – Он подошел к ним и каждого прижал к груди.

Петр оказался мужиком толковым. Больше половины людей Камбилы сумел разместить под крышей. Истопил им и мыльню, чему приезжие были весьма рады. На следующий день, едва солнце поднялось над Успенским куполом, Петр был уже у Камбилы и Егора.

– Давай, давай, – быстро заговорил Петр, – едем место смотреть!

Когда он вышел, Егор бросил ему вслед:

– Ишь, какой деловой! Даже с дороги отдыха не дасть.

Когда они вышли, у крыльца стояла тройка лошадей, запряженная в розвальни. В них лежали тулупы, под ними – бочонок с брагой и закуской. Петр все предусмотрел. Догадлив. Гости только улыбнулись. Под колокольный звон тройка лихо промчалась по кремлевской площади, разогналась на Подоле и в один дух одолела Москву-реку. Колоколец способствовал скорости. Люди, заслышав его, разбежались в стороны, а собаки прятались в подворотни.

И вот они на месте. Рядом – высокий бревенчатый забор, скорее, крепостной частокол. Петр, сбрасывая с плеч тулуп, показал головой на это укрепление и сказал:

– Хоромы Родиона Несторовича.

И пояснил:

– Киевский боярин, перешел на сторону московского князя Даниила со своими людьми. Как ты... – Он подмигнул Камбиле и продолжил: – Родион спас молодого князя Иоанна Данииловича от смерти. Когда московский беглец, боярин Акинф, предался тверскому князю Михаилу, он уговорил того напасть на Иоанна, пока старшего брата, Юрия Даниловича, княжившего на Московии, не было дома. Михаил согласился и дал боярину войско. Молодой же Иоанн оказался храбрым княжичем, не испугался предателя. Но силы были неравны. Тогда, видя,

что Акинфий может одолеть его, он послал за помощью. Первым прибыл Родион. Он разбил тверское войско и убил предателя. За это получил место. Князь сказал ему:

– Ты будешь всегда перед моими глазами.

Этот рассказ, выслушанный новгородцами с большим вниманием, обрадовал Камбилу: быть всегда перед глазами князя... Глаза его заблестели.

– Сколько я могу... занять?

– А! Щас.

Петр вытащил из-под соломы топор. И, утопая по колено в снегу, срубил молодую березку. Убрав ветки, подошел к Камбиле:

– А ну, растяни-ка руки!

Камбила не без удивления выполнил Петрову просьбу. Тот, отметив от колена до точки, где кончалась поднятая рука, отрубил оставшуюся часть дерева.

– Это, – он потряс оставшимся в его руке обрубок березки – маховой сажень. Вот и мерь. – Он показал на угол Родионовой ограды. – Отмерь триста саженей.

Камбила с Егором быстро отмерили. К ним подошел Петр и забил кол.

– Это, – он махнул в сторону Родионовой оград, – твоя земля.

Глаза Гланды округлились. Увидев эту реакцию, Петр расхохотался.

– Че, мало?

Тот покачал головой:

– Много!

– Ниче! – Петр махнул рукой. – Как говорится: бери, пока дают. Наш князь к те уж больно добр. Он даст те еще и другую землицу, но не в городе. Служи только верно.

Потом он повернулся к Егору и протянул ему сажень:

– Мерь и себе.

Егор взглянул на Камбилу.

– Мерь, – сказал Камбила.

Егор неохотно взял мерило. Отмерив сто саженей, он решительно заявил:

– Хватит.

– Хватит так хватит. – Петр покосился на парня.

Потом как-то нехотя, словно тот еще может раздумать, забил второй кол.

Петр выпрямился и проговорил:

– Землю надоть обмыть.

И они пошли к розвальням.

А после обеда Камбила и Егор вновь были приглашены к князю. Они посмотрели друг на друга, пожали плечами.

– Идтить так идтить, – сказал Камбила.

На подходе к княжеской светлице, на пороге, они увидели князя, который весьма услужливо сопровождал супружескую пару довольно преклонных лет. Прощаясь, князь сказал им, что он постарается исполнить их просьбу. Сразу было видно, что эти люди другого замеса: так трогательно, так заботливо они относились друг к другу. Князь не ушел, вероятно, любясь их заботой друг о друге, пока они не вышли из прохода. Только тогда он произнес:

– А, это вы! Проходите! – и жестом руки пригласил их.

Князь сел в кресло, показав гостям рукой на ослоны, стоявшие у стола.

– Ну, когда, боярин, позовешь на новоселки? – с улыбкой спросил Симеон.

Камбила поднялся:

– Позволь мне, великий князь, ото всего мойво сердца поблагодарить тя... за твое великодушие. – Сказав, Камбила чуть не до пола поклонился.

– Ну! Ну! – доброжелательно произнес князь, поняв, что тот был весьма доволен. – Скажи-ка лучше: ты... христианин?

Гланда покраснел, опустил голову и тихо ответил:

– Нет!

– А желаешь? – быстро спросил князь.

Не раздумывая, Камбила поднял голову и, глядя прямо в глаза князя, ответил:

– Да! – и повторил: – Да! Да!

– Вот и хорошо! При этом полагается принять христианское имя. Я бы думал назвать ты...

Андреем. В честь почитаемого нами святого Андрея Первозванного. Но у нас еще принято не забывать и батюшку. Будь ты, как и я, Иванычем, – проговорил Симеон.

– Значит, я – Андрей Иваныч?! – Гланда недоумевающе смотрел на князя.

Тот рассмеялся.

– Че, «Иоаныч» не нравится?

– Да как-то... – Он пожал плечами.

– Ниче, привыкнешь. Готовьсь, завтра крестить будем.

Егор, откинувшись на спинку ослона, глядя на Камбилу, произнес:

– Поверь, друг, ето хорошее имя... Иваныч.

Князь бросил косой взгляд на парня. Тот почувствовал, что князю что-то не понравилось в его словах и нагнулся к столу.

– А, – голос князя повеселел, – терь дело за прозваньем. Ты же жил в Новгороде?

Камбила не понял. Лицо его вытянулось.

– Как твой посад обзывался? – пытаясь помочь ему, произнес князь.

– Да... мне посадник назвал, че я живу на Кобыльем посаде.

Симеон расхохотался, говоря сквозь смех:

– Камбила на Кобыльей! Так и быть: Андрей Кобыла!

Просмеявшись, князь сказал:

– Шутник же твой посадник.

– Да и ты, великий князь, не хуже! – заметил Камбила.

Все опять рассмеялись.

Князь повернулся к Егору. Лицо его было довольно серьезным.

– А ты? – Князь словно запнулся, замолчал.

– Он... боярин, – поняв его, пояснил Камбила.

– Боярин? – зачем-то переспросил Симеон.

– Боярин! – повторил тот.

– Род-то какой? – не отстает князь.

Тут пришлось им обоим рассказывать о судьбе Егоровой. Услышав о самоотверженной борьбе литовского князя Маргера, Симеон перебил Камбилу, подняв руку.

– Я хочу сказать, – заговорил он, – что не менее, если не более о поступке воеводы рассказывал мой отец Иоанн Данилович. Когда татары напали на русский Козельск, то там воевода не стал звать людей к самоубийству, а наоборот, сделал все, чтобы спасти многих для продолжения борьбы с вражьей силой. И я скажу... – Вдруг замолчал, потом произнес: – Ладно, продолжай.

Внимательно слушал рассказ о жизни у тевтонских рыцарей. Пожалел, что брат Камбилы поступил таким образом. Когда услышал о Чаше Грааля, его интерес пробудился с невероятной силой. К сожалению, многого Камбила не знал. Симеон задумался. По всей видимости, у него возникла какая-то мысль. Но он ничего не сказал – видать, решил оставить для дальнейшего разговора.

Услышав, как и за что Егор был произведен в бояре, князь назвал это весьма правильным поступком и добавил:

– И у нас ты – боярин!

Камбила незаметно, как поздравление, толкнул локтем Егора в бок. Князь смеялся, когда ему рассказали, как Егор вернул посланцев новгородского посадника. Но все же спросил:

– Значит, хотели схватить?

Те подтвердили.

– Но терь вам нечего бояться! Камбилы больше нет. А ты, Егор, послушай-ка меня. Я понимаю твои переживания по случаю потери дорогой твоему сердцу невесты. Но знаю: время, а еще лучше... разные дела помогают излечиться от тяжелых воспоминаний. Поэтому, боярин, – он так назвал Егора, – хочу предложить тебе такое дело...

Он встал, прошелся по комнате. Подойдя к окну, проговорил:

– Снег опять пошел. Это хорошо. Чем больше снега, тем больше зерна в амбарах. Да-а...

Подошел к Егору – тот поднялся, но князь усадил его на место:

– Вот что я думаю, боярин... – Он не договорил, прошел на свое место, сел и продолжил: – Вам встретилась в проходе удивительная пара. Это бояре Ослябя. Вышли они с Волыни. Их предки, не выдержав ужасов и татарских, и венгерских, и польских, и литовских набегов, бежали на Русь и осели в Брянске. Потом перебрались в Любутск. Дальше идти сил не хватило. Но и здесь земля оказалась недоброй к ним. Они остались вдвоем от многочисленной семьи. Недавно похоронили последнего сына, их надежду. Звали его Романом.

– А что с ним случилось? – полюбопытствовал Камбила.

Князь вытащил из подставки перо, покрутил его, потом вернул на место.

– А случилась беда. Трудно поверить. Был здоровый парень, последний. Первых – то болезни, то набег сгубили. А этот жениться собирался. Уже свадьбу готовили. Поехал на охоту. Погнался за лисой, да спугнул кабаненка. Лошадь-то шарахнулась, а Роман кубарем с нее. А в траве сук. Кто-то срубил деревцо косым ударом. Получилось острие. Оно вошло в спину и уперлось в сердце.

– Да... – вздохнули новгородцы.

– Когда сына не стало, – продолжил князь, – соседи, как голодное зверье, набросились на родителей. Кто кусок земли отхватил, кто стадо угнал... И пошло, пошло...

– Защитник нужен, – сказал Камбила.

– Нужон, – ответил князь и посмотрел на Егора.

Рассказ князя затронул отзывчивое сердце парня. Он не стал раздумывать.

– Я, великий князь, согласен, – промолвил он, приподнимаясь.

Князю ответ понравился. Это было видно по его лицу. И еще князь понял, что этот на вид суровый молодой человек имеет доброе, отзывчивое на боль других сердце. Симеон подошел к нему, положил руку на его плечо и промолвил:

– Так поступают настоящие русские люди! Тебя, боярин, проводит и представит мой дьяк Нестерко. Петра ты знаешь.

Камбила и Егор почувствовали, какую великую честь он оказывает молодому боярину.

– Только что я тебе скажу, Егор: старички весьма преклонного возраста, и голова у них работает по-другому. Они почему-то ждут возвращения... Романа. По-моему, из их памяти выпали похороны. Они мне твердили, что ждут его возвращения. Поэтому... – Князь посмотрел на Егора.

Парень улыбнулся и сказал:

– Я понял, великий князь, мне надо стать... этим Романом.

– Люблю понятливых людей. Будь Романом! – И князь дружески потрепал его по плечу. – А знаешь, это ведь твоя судьба. Они могли приехать или раньше, или позже. Тогда, скорее всего, все было бы по-другому. Но я рад, что получилось так. Дай Бог те счастья.

Симеон Иоаннович был человеком дела. Сказал, что завтра будет крещен Камбила, так и получилось. Крестил сам митрополит Феогност. Это был важный момент. Не факт самого крещения, а то, что великий князь предложил митрополиту это сделать, и тот не отказал. Было

известно, что, с тех пор как Феогност отказал князю в венчании, между ними точно пробежала кошка. Князь хорошо понимал владыку, его правоту, но тут, как говорится... сердечное желание оказалось сильнее разумного подхода. И внутренне оба были довольны, понимая, что лед охлаждения дает трещину.

Народу было мало. Симеон, ставший его крестным, нарочно почти никого не стал приглашать, чтобы бояре не подумали об особом отношении князя к пришельцу, что могло вызвать их ненужную ревность. Были Егор, боярин Василий Кочева с сыном Алексеем Босоволоковым, ровесником Камбилы. Не нужно удивляться, что у боярского сына была другая фамилия. Это случалось довольно часто. Так, у Пожарского сыновья были: Василий Андреевич Пожарский, Федор Андреевич Стародубский, Иоанн Ногавица Ряполовский, Давид Андреевич Палецкий. У известного боярина Родиона Несторовича сын стал Иваном Родионовичем Квашной. Еще присутствовали: боярин Иван Родионович Квашня, сборщик податей Борис Семенов Нестерко да боярин Василий Окатьевич.

Крещение состоялось, и из дверей Успенского собора вышел новый русский боярин Андрей Иванович Кобыла. Навсегда ушел в историю Гланда Камбила Девонovich. Крещением и великий князь, и митрополит были довольны. Увидели друг друга, улыбнулись. Перебросились парой слов. К тому же митрополит получил от Андрея Ивановича, по сути, княжеский дар. Он отвалил Церкви сто рублей золотом. После крещения Андрей Иванович пригласил всех присутствующих в свое временное жилье. Митрополит уклонился от посещения, сославшись на здоровье. Он, действительно, выглядел болезненно.

А на следующий день Нестерко уже ладил возы, готовясь в качестве сопровождающего к отправке Егора. Князь не любил откладывать дела «на завтра».

Глава 8

Многое подвластно человеческому разуму: спасти умирающего, заглянуть в далекие тайны Вселенной, объявить войну, заключить перемирие... Но не может разум остановить... время.

Незаметно пробежала зима, отжурчали весенние воды, и вот лето в разгаре. Андрей Иванович с утра до ночи был занят стройкой. Он очень удивился, когда к нему, как снег на голову, явился его младший брат. Он-то и поведал о полном порабощении остатков прусского королевства тевтонцами. Погоревав о родных, Андрей Иванович взял брата за руку и отвел в церковь. Оттуда он вышел с Федором Шевлягой. Еще больше был удивлен Кобыла, когда его старший сыночек Федор принес ему горстку земляники. Глядя на ягоду, он радовался, что сын растет таким внимательным и заботливым человеком. Сам не съел, принес отцу и матери. Но огорчился, что не заметил, как наступило лето. О господи! Все же он посадил Федора себе на колени и спросил:

– С кем ты, сынок, в лес ходил?

– С Димкой да Васькой, – ответил тот.

– Кто таки? – спросил отец.

– Да Васька Пожар, а Димка – сын князя Ивана. Мои друзяки, – сказал и соскочил с колен.

«Растет...» – вздохнул отец.

Знающими людьми давно подсчитано, что путь от Москвы до Константинополя укладывается в такое время: от Москвы до устья Дона – 40 ден и от устья Дона до Царьграда – 35 ден. Итого два с половиной месяца. Смотрит князь на эти цифры и рассуждает:

– В апреле не мог плыть – лед мешал. Май, июнь, июль – сейчас он в Царьграде. Решил аль нет? Ох! Как медленно тянется время.

И так почти каждый день.

И великий князь не выдержал, вызвал к себе Кобылу. Андрея стало не узнать. Он сильно возмужал, загорел. Князю показалось, что даже раздался в плечах.

– Че, боярин, на новоселки не зовешь, – встретил он его такими словами. – Аль тратиться не хош? – Говорит, а сам смеется.

– Великий князь, да как... – заволновался боярин.

– Шучу, шучу, – перебивает князь Кобылу. – Садись, – и указал на кресло.

Тот сел. Князь прохаживается около него и посматривает, о чем-то думает. Потом заговорил:

– Вот зачем я послал за тобой, боярин, – сказал он.

Видать, не очень хочется ему свою сердечную тайну выдавать. Да и побаивается: а вдруг в далеком Константинополе все сорвется? Патриарх поддержит митрополита. Разрешения-то еще нет. Но душа уже не терпит.

Сел напротив. Потом встал. Вновь сел. И поведал князь о своей несчастной женитьбе и о том, что митрополит отказал в разводе и венчании и что князь Пожарский в Царьграде, должен привезти согласие патриарха. Рассказав все это, объявил:

– Хочу послать тя в Тверь. Княжна там...

Он так произнес эти слова, что Кобыле тотчас представилась неписаная красotka. Князь добавил:

– Был Пожарский, убедился.

Боярин отметил про себя, что Пожарский, видать, весьма уважаем.

– Так что от меня надоть, великий князь? – не стерпел Кобыла.

– А! – как бы очнулся тот. – Поедешь туда... сватом!

– Я... сватом?

Кобыла хотел пояснить, что он ни разу в жизни сватом не был и не знает русских обычаев, как это делается. Да не успел, князь опередил:

– Да, сватом!

Кобыла понял, что отнекиваться бесполезно. Князь все решил. Выход он видел один: взять кого-то толкового в помощники, и осторожно спросил:

– А можно взять Алешку Босоволокова?

Князь аж сверкнул очами.

– Молодец, бери! Разве сын такого боярина кому-то выдаст тайну?

А Кобыла назвал его не за отца, просто после крестин они как-то сдружились. Других знакомых Кобыла пока не завел.

Уговорив Андрея Кобылу ехать сватом, оставшись наедине, князь вдруг стал думать: а правильно ли он делает? Зачем торопиться? А вдруг у Пожарского сорвется... Что тогда ему делать? Марию он теряет навсегда. Но его сердце говорило, что это та, которую он так ждет. Князь не спал всю ночь, а наутро решил: не торопиться. И послал Нестерко, чтобы тот передал Кобыле его веление: погодить! Он скажет, когда ехать.

А Кобыла времени не терял. От князя он сразу заехал к Босоволокову. Тот, узнав, в чем дело, сразу согласился. Они решили надолго дело не откладывать и выехать на следующий же день. Когда к Кобыле явился Петр, они уже готовились к отъезду. Услышав решение князя, Кобыла подумал, потом сказал:

– Великий князь спит и видит женой Марию. Мы съездим, все узнаем. Вернувшись, мы князя успокоим. А ты скажи ему, что нас не застал.

Петр подумал и махнул рукой.

– Ну ладно, езжай, Кобыла! Быть по-твоему.

Петр оседлал коня и вдруг повернулся:

– А если пошлет вдогон?

– Скажешь, что не догнал.

Тверской князь Всеволод собрался ехать на следующий день в Гончарово, под Лихославием, где он открыл гончарную мастерскую. Жил в этой деревушке дед Кузьма. Он потихоньку со своими сыновьями и снохами занимался изготовлением разных глиняных поделок. Товар его неплохо расходился, тем они и жили. Как-то по дороге из Вышнего Волочка князь, чтобы укрыться от бури, заехал в деревушку. Там-то он и узнал о деде Кузьме. Не поленился, зашел. И вот тогда у него зародилась мысль: расширить этот промысел. Договорился с Новгородом. Тот дал ему хорошего мастера. В Гончарово князь построил хорошую мастерскую. Неплохо стал платить деду и его родным. И дело пошло. Изделия добрались и до Москвы, принося неплохой доход. Вот он решил посмотреть, как там идут дела и что сделать, чтобы расширить ремесло.

На дворе его уже ждало несколько вооруженных человек, а служка держал за уздцы оседланную лошадь. День походил на летний, и князь, поглядывая в окно на солнышко, легко оделся. Выйдя на улицу, он, прыгая через ступеньки, спустился вниз и, подойдя к лошади, взявшись за седло, вставил ногу в стремя. В это время двери открылись и раздался голос княгини.

– Князь! Возьми-ка это. – Она держала в руках теплую безрукавку. – Погода привередлива. А ты со своей спиной... – Она не договорила.

Князь, чтобы от нее отвязаться, бросил служке:

– Иди возьми.

Тот сбегал и подал ее князю. Чтобы успокоить жену, князь надел ее. И только вновь собрался сесть в седло, как в открытые ворота вбежал стражник:

– Князь, – заорал он с ходу, – к те едут московские посланцы!

Лицо князя побелело, а в голове мелькнуло: «Неуж прознали?» Дело было в том, что к нему тайно, под видом купца, приезжал сын Олгерда, Яков. Он поведал ему о желании отца соединить силы и ударить по Симеону. Но Всеволод, зная горький опыт таких дел, наотрез отказался. «Но как Москва пронюхала про это? Кто-то предал?» – недоумевал князь. Он в сердцах бросил узду в руки службе:

– Отведи коня в конюшню, – буркнул он.

Подозвал пальцем одного из воинов и приказал скакать к воеводе, чтобы тот встретил посланцев. К себе вернулся сам не свой. К нему заглянула княгиня:

– Ты че не поехал?

– Оставь! – рявкнул он на нее.

Он нервно заходил по светлице, обдумывая, как вести разговор. Его размышления прервал шум на дворе. Зло лаяли псы, кто-то на них кричал, ржали лошади.

Появление Кобылы и Босоволокова князь встретил с улыбкой. Кобыла глянул на князя, у него слова застряли в горле. Еще бы! Перед ним был вылитый... Пожарский! «Тьфу!» – ругнулся он про себя.

– Дозволь, князь, приветствовать тебя в твоих хоробах. Мы, посланцы великого князя Симеона Иоанновича, я, боярин Кобыла Андрей Иванович, и боярин Андрей Федорович Босоволоков посланы им решить с тобой, князь, один... житейский вопрос. Касается он... твоей родной сестры Марии.

После слов Кобылы со Всеволода точно гора свалилась. От радости он готов был броситься к посланцу на шею.

– Проходите, гости дорогие! – князь в полупоклоне пригласил их присесть в оставшиеся еще со времен Александра мягкие венецианские кресла.

Когда гости уселись, князь любезно спросил, почему его заранее никто не предупредил.

– Прости, князь, вина моя. Симеон предупреждал меня об этом, да я... виноват.

У князя было такое настроение, что он готов был простить любую их вину.

– Все же, дорогие гости, хочу предложить вам отдохнуть с дороги. Истопим баньку, а потом и дела обсудим. Как?

Бояре переглянулись.

– Ладноть, – ответил Кобыла, – как угодно хозяину.

Князь велел отвести их на гостевую половину, готовить баню и хороший обед.

Встретились они только на следующий день. Разговор начал князь с того, что спросил, как им пришлась банька. На что Кобыла восхищенно воскликнул, что ему до этого в подобных банях быть не приходилось. Довольный князь тоже похвалил свою баню, сказав, что, где бы он ни был, лучше бани не встречал. Оговорив другие вопросы жития-бытия, они незаметно подошли к главному. Начал Кобыла, который для такого разговора перед отъездом расспросил кое-кого бывалого.

– Мы приехали за товаром. Продашь аль так отдашь? – спрашивает он, не называя товара.

– Да кто же так товар отдает? – посмеивается князь, – говори, купец, че хотишь купить? – сказав, князь прищурил один глаз.

– Да... у ты есть невеста, а у меня жених.

Князь еще вчера понял, зачем прибыли гости, но вел себя так, будто ничего не знает.

– Да жених наш-то... великий князь Московии.

– Да он... тово... женат. А у нас на Руси запрет на втору жинку.

– Э, князь, – сокрушенно промолвил Кобыла, – ты бы знал, как он несчастен. Змея она. Чистая змея. Не любил он ее, не любил.

По лицу князя было видно, что он, хотя и удивлен, но все понял.

– Ну, че... я не против, – заявил Всеволод, – только... Симеон должен все решить с церковью.

– Да это, – Кобыла махнул рукой, – решено. Сам патриарх решил. – Сказав это, Кобыла покраснел. – Нам бы, – пониженным тоном произнес Кобыла, – с ней поговорить. Да мы хотим ее увезти. Как по...

– Не увезете, – перебил князь.

От этих слов Кобыла вздрогнул:

– Пошто так? – спросил он.

– Да она как неделю уехала в Кашин, к тетке.

– Фу-у, – выдохнул Кобыла, – жаль!

– Она вертается, ну и, как положено, будем играть свадьбу.

– А она... не супротивится? – осторожно спросил Кобыла.

– Наша мать, умирая, взяла с меня слово, чеп я заботился о ней не хуже отца. Так... мое слово для нее – все. А лучи жениха для Марии я не вижу. Стать великой княгиней, да еще Московской, – такое редко выпадает. Так что не сумливайтесь и готовьтесь к свадьбе. И... поклон Симеону. Мария для него будет лучшей жинкой. Так и передай.

Посланцы раскланялись и стали собираться в обратный путь. В душе Кобыла был рад такому стечению обстоятельств. Когда посланцы вернулись в Москву и все рассказали Симеону, он был рад сообщению и вымолвил только одно:

– Че привезет Пожарский?

А в Константинополе тоже торопились. Чисто находкой был Янус. Его совет состричь усы Давыдов проверил – он был правилен. Но атаман не решился. Ему говорили:

– Сам стриги!

Пришлось вмешаться Пожарскому. По этому случаю собрался казачий круг. На середине вышел сам Пожарский. Одет по-казачьи: широкие шаровары на учкуре, бешмет до колен, поверх чекмень. На голове – папаха с клиновым тумаком. Где только взял? Да старое прихватил. Заговорил:

– Друзеки-казаки! Начаяся на вас, че обраду русскому народу принесет. Надобедь важну грамоту для князя Московии привезть. Неуж рахунку дадим?

Эти казацкие слова взяли их за душу. Кто-то жалобно промолвил:

– Усов-то жаль!

– Давай по жребию! – предложил Пожарский.

Казаки задумались.

К князю подошел вразвалку плечистый казачина среднего роста. Усищи – за уши прячь. Взял он один ус, оттянул и сказал:

– Стриги, Андрей.

Пожарский узнал его. Он еще пареньком ходил с ним в Африку. Стриганул. И дело сдвинулось. Вскоре, правда, нехотя, казаки вытянулись лентой.

– Столь не надоть, – не вытерпел Давыдов: жаль казаков стало. – Шести-семи человек хватить. Как бы охраной будете!

– Будить семь, – распорядился Пожарский, – впереди с бунчу... с московским стягом, – поправился он, – далее карета, за ней – стража.

Когда с казаками и охраной разобрались, Янус поставил еще два условия: должна быть дорогая карета с хорошими конями. И жить надобно не в халупе, а снять лучший дворец. Давыдов и Воробьев только кивали головами. Князь Пожарский получал – и от кого! – уроки жизни.

– В Москве все проще. Бывают гости знатные, прием у князя. Иногда после этого идут в мыльню. Иногда – сразу за стол. Там и договариваются. А тут, смотри, должен подъехать в карете, с охраной. Проживать во дворце. Тьфу! Но... надобно, казаки. Для дела надобно! Те понятливо кивают. Пожарский повернулся к Давыдову и Воробьеву, стоявшим рядом: – За дело, братцы. Давай, – взглянул он на Януса, – веди!

Да, не зря казаки обращались перед отплытием к своей спасительнице за помощью. Помогает им Пресвятая Богородица, послав в помощь такого проходимца, как Янус. Он быстро организовал две колымаги, которые подбросили Пожарского и его команду до берега, как в старину кликали Босфора Фракийского, а ныне – Золотого Рога, на другом берегу которого был Царьград по-русски, Константинополь – по-европейски.

Стоило Янусу появиться на берегу, как сразу несколько перевозчиков замахали ему верховками. Но Янус знает, что ему нужно. Приветливо помахивая рукой, но проходя мимо, он остановился напротив одномачтовой барки. Такой не страшна и буря. А все от того, что борты внутри укреплены косовыми брусьями да воротовыми поясами. Перевозчик знаком с Янусом. Они обнялись, и Янус машет «команде», чтобы переходили на барку.

Перевозчик был мужик лет за сорок, почерневший от солнца и моря, в рваных, засученных до колен портах. Рубаха, потерявшая цвет, расстегнута, волосяная грудь, начавшая сесть, обнажена. Лицо узкое, глаза быстрые, хитроватые. Он с первого мгновения показал свою ловкость, умение управлять ладьей. Орудяя длинным шестом, вывел судно на большую воду, развернул его и поставил парус. Ветер тотчас надул парус, и барка заскользила по небольшим рябящим волнам.

Крик чаек, специфический запах моря напомнил казакам о пройденном ими пути. Подталкивая друг друга, они показывали на весла, притороченные к бортам. Мол, не хочешь ли, дружек, вспомнить?.. То и дело у бортов раздавались резкие всплески. По ним можно было судить, что рыбы в этих местах много и в воде идет энергичная охота. Порой жертва выпрыгивала из воды и, описав дугу, попадала в лодку. Увлеченные наблюдением за морской жизнью, убаюкивающим мерным ходом судна, они не заметили, как барка уткнулась в берег.

К удивлению Пожарского, спросившего перевозчика о цене, тот отрицательно покачал головой и кивнул на Януса. Хоть князь и не понял значение его кивка, но достал кису и положил на сиденье перед перевозчиком золотую монету. Тот быстро взял ее, попробовал на зуб и оставил за щекой.

Берег был достаточно крутым и заросшим зеленью, которая прятала убегающую вверх тропу. Когда она закончилась, упершись в мощеную площадку, перед путниками, выбравшимися на нее, открылось необыкновенное чарующее зрелище. Слева только что пересеченный ими залив убежал дальше, разрезая землю. Перед ними – необозримая гладь моря, играющего солнечными бликами. А за их спинами – город с белоснежными дворцами, золотыми куполами. И все это утопает в зелени.

Янус, поддернув порты и шмыгнув носом, подошел к Пожарскому.

– Куды дальше? – спросил он.

– Думаю, надо снять хоромы.

– А... хоромы – это че? – спросил Янус, нагнувшись, чтобы поправить обувь.

– Хоромы – это, как ты сказывал, дворец, – ответил князь.

Янус выпрямился, поправил на голове что-то вроде колпака:

– Естя тута... отчень богатый... етот купеца. Там жил... ф... фр...

– Француз, – догадался Пожарский, сразу вспомнив когда-то освобожденного из плена Роберта.

– Точно, француз. А у ейво была така позадица, вся ряжена, как кукляшки.

Пожарский его понял, поглядел на сопровождавших его казаков. От усов только усики остались, а из одежды – шаровары да рубахи. Он взял Януса за рукав и шепнул ему на ухо:

– Мы можем их, – и кивком головы показал на казаков, – тово, закукляшить?

Тот понял его:

– Че, тогда к купецу? – спросил Янус.

Пожарский, кивнув, поинтересовался:

– Далекко?

Янус вздохнул:

– Не близко.

В дальнем конце площадки, как заметил Пожарский, стояло несколько запряженных лошадей.

– Эти повезут? – и пальцем показал Янусу на коней.

Тот закивал головой, потом спросил:

– Так... просить?

– Нанимай, – ответил Пожарский.

Янус почему-то покосился на его кисет, потом побежал к коням.

Вскоре подъехали три колымаги. Пожарский сел рядом с Янусом. К ним подсели Давыдов и Воробьев. Казаки разместились на второй.

Дорога, по которой ехал Пожарский со своими людьми, была хорошо наезженной. Видать, ею часто пользовались. Она с обеих сторон была окружена высоким, густым кустарником, который закрывал от глаз, что творилось за ними. Иногда они глубоко ныряли куда-то вниз, а затем взлетали наверх. Тогда можно было рассмотреть поверх кустарников крыши домов. Потом они исчезали.

Когда-то Андрей проплывал мимо Константинополя. Но тогда казаки сильно торопились, оставив этот проход на ночь. Так что ничего он о нем и не узнал. Поэтому спросил у рядом сидящего Януса:

– Град-то большой?

– Бааальшоой! – растянуто ответил Янус. – Слыхивал я, че одних дворцов... точно не помню, ну штук ээ... двадцать, а може, больше наберется. Да церквей с десятков, не мене.

– А главная? – допытывался Пожарский.

– Главная? ... Да Софийский собор. Огромный. Ты там как козява.

– Скоро он будет? Аль мимо проедем? – не успокаивался Андрей.

– Не, мимо не. Все дороги туды ведут. И скоро будить. Да вона... вишь, колпак. – Янус показал рукой вдаль. Пожарский посмотрел туда и увидел часть купола с крестом, возвышающимся над зеленым морем городских посадок.

Заросли оборвались сразу, и повозки выехали на огромную мощеную площадь. Впереди возвышался грандиозный собор. Это и был, как догадался Пожарский и его спутники, знаменитый на весь мир Софийский храм. Поражала его купольная базилика. Казалось, что неведомый гигант надел на эти стены васильки, перевернув их головками вниз.

– Подъезжай, – не отрывая глаз от храма, проговорил Пожарский.

Чудо-собор был обнесен невысокой каменной оградой с проемами. За ней росли кусты, стриженные в виде шаров. Они так сочетались с куполами, что казалось, будто храм вырос чуть ли не из земли.

Чтобы попасть внутрь, им пришлось его объехать. По дороге они обратили внимание, что к храму были будто пристроены, создавая единый ансамбль, разные строения. Янус давал объяснения:

– Ипподром, – назвал он необыкновенное строение и пояснил: – Галерея в виде башни, украшенная четверкой лошадей. За ней – императорская ложа. Видна только крыша. А перед ней, – продолжает Янус, – если зайти вовнутрь, увидите статую Геракла. Смотрите, как заделаны швы и скрыты бронзовыми лавровыми венками, – и показал на необыкновенное строение, сложенное из гранитных плит в виде барабанов, а поверх всего стоял позолоченный крест, – это памятник Константину, императору, – пояснил он.

– Императорский дворец, – объявил Янус, показав на величественное строение за высокой каменной оградой.

Когда Пожарский и его люди вошли внутрь собора, они обомлели. Нельзя было оторвать глаз от стен, облицованных разноцветным мрамором и мозаикой. Подняв голову кверху

и посмотрев на купол, царящий над всем этим великолепием, действительно, чувствуешь себя букашкой перед небесными силами. Тут можно было стоять часами, забыв обо всем. Но долг, позвавший в путь, напомнил о том, что время сильно поджигает. Отыскав лик Пресвятой Богородицы, казаки, встав на колени, благодарили ее за помощь и просили и в дальнейшем не забывать их.

Вскоре колымаги, гремя колесами, двинулись в дальнейший путь. По мере их движения вид менялся. Пошли в основном двухэтажные здания, скрытые за высокими стенами. Не трудно было понять, что в них проживает константинопольская знать. И вот наконец после долгого пути раздался звонкий голос Януса:

– Стой! Приехали!

Даже красота, если она становится однообразной, утомляет. А поэтому слова Януса оживили путников. Казаки быстро оставили колымагу и начали разминаться, а проводник подвел Пожарского к калитке, за которой возвышался прекрасный дворец. Над входом висел медный колокол с кожаной плетенкой, привязанной к его языку.

Янус несколько раз позвонил – и вскоре послышался мужской голос:

– Иду! Иду!

Калитку открыл худошавый мужчина, одетый во все белое, в сандалиях на босу ногу.

– А, это ты, Янус! – воскликнул он голосом человека, обрадованного этой встречей. – Никак новых гостей привел, – глядя на толпящийся за спиной Януса люд, проговорил мужчина.

– Да. Русские. Это... – Он показал на Пожарского и на миг замолчал, не зная, как его представить.

Помог Воробьев, быстро нашедшийся и знавший греческий язык:

– Воевода великого московского князя Симеона Иоанновича, – проговорил он и стал представлять остальных: – Дементий Давыдов, главный посол великого московского князя, и я, Юрий Воробьев, доверенный писец главного посла. Остальные – охрана, кучера.

Да, Воробьев сумел солидно представить москвичей. Но портил все... их вид. По несколько брезгливому выражению лица дворского они поняли, что их вид не соответствует названному статусу. И опять помог Воробьев.

– Мы с дороги, – пояснил он, – хотели бы осмотреть предложенное жилье.

Мужчина вежливо улыбнулся, исправляя свою ошибку в оценке гостей, и, широко открыв калитку, жестом пригласил москвичей пройти. То, что дворский показал, было прекрасным двухэтажным домом. С улицы он не был виден, хотя стоял невдалеке от хозяйских хором. Его окружали ливанские кедры. Между домами был фонтан. Подходя к нему, путники ощутили свежесть и прохладу, которое несло легкое дуновение ветра. Даже не заходя в дом, было ясно, что условия там замечательные. Когда же у дворского спросили о цене, тот ответил, что сейчас пойдет и доложит все своему хозяину.

– А кто у тебя хозяин? – полюбопытствовал Воробьев.

На что дворский с достоинством, словно речь шла об императоре, ответил:

– Это самый богатый купец на всю Византию, а зовут его Аминф, зять самого Дурсуна. – При последних словах он поднял руку и помахал пальцем. Вот, мол, какой он знатный человек. Но команда Пожарского эти слова пропустила мимо ушей. Они пришли у него не займы просить. Правда, Воробьева заинтересовало, почему самый богатый в Византии купец – и вдруг сдает внаем свой дом? На что, фыркнув, дворский ответил:

– Он потому богат, что умеет считать каждую монету. Раньше здесь жили разные работники, а хозяин подсчитал, что выгоднее их нанимать, и стал сдавать опустевший дом. Да не кому-нибудь, а тем, с которыми можно завязать торговые отношения.

– Но среди нас нет к...

Пожарский так глянул на Дементия, что тот осекся, не без удивления взглянув на Пожарского: он что, знает греческий?

– Ладно, – глядя на дворского, проговорил Пожарский, – иди и решай. А то поедем искать другое место. А в торговле мы можем помочь, – и посмотрел на Давыдова.

Тот покраснел.

Дворский вернулся быстро, доложив, что хозяин согласился сдать им дом и желает с ними познакомиться. А цена...

Но его перебил Пожарский:

– А о цене решай вот с ним, – и показал на Воробьева.

Воробьев вернулся быстро и сказал, что остановились на цене пять рублей в день.

– Жадоватый, – возмутился, услышав цифру, Дементий, – а еще самый богатый!

– Ладноть, – остановил его Пожарский, – пять так пять.

Два дня ушло на покупку и пошив одежды. На третий день состоялся смотр. Они проехали по улице и почувствовали, с каким восхищением смотрели на них люди.

Вернувшись с прогона, Пожарский пригласил к себе Давыдова и Воробьева. Разговор он начал с того, что завтра следует идти в патриарший двор и договориться о приеме. И тут Воробьев вдруг «поплыл». Он признался, что считает поручение невыполнимым.

– Вот смотри, патриарх спросит, почему мы не обратились к митрополиту? Его же обманывать не будешь. И надо будет признаться, что тот отказал. А раз митрополит отказал, патриарх вряд ли пойдет на то, чтобы не поддержать своего ставленника, и тоже откажет.

– Великий князь, понимая всю сложность положения, выбрал вас как лучших знатоков Священного Писания, которое вы можете умно толковать. Вот и думайте, как лучше его сделать. Я думаю, хорошим помощником вам будет сундучок. – Князь улыбнулся.

– Так-то оно так, но все же боюсь, – проговорил Воробьев.

– Бояться надоть было в Москве. Щас надоть биться и победить, – сказал Пожарский и поднялся.

Они поняли: беседа закончена.

Глава 9

На северо-востоке Брянского княжества, там, где в реку Оку впадает речушка Любуча, расположилось небольшое поселение Любутск. Когда-то оно было частью истинно русского княжества. Но с ростом могущества западного соседа, великого литовского княжества, и ожесточенной междоусобной борьбы северо-восточных соседей, эта территория перешла к западному соседу. Здесь в целях обороны Олгерд построил небольшую крепость, дав ей название Любутск. Сюда литовцы переселили ряд боярских семей из Брянска. В их число попали и Осляби. В Любутск Нестерко и повез Егора, согласившегося жить в семействе бояр Ослябей.

От Москвы до Любутска расстояние меньше, чем оттуда до Брянска, и двести верст вряд ли наберется. А если ехать в Вильно, то... это настоящее путешествие. Поэтому издавна северо-восточные брянские бояре тяготели к Москве. С ростом же могущества Московии литовцы «забыли» о своей собственности на эти земли.

В общем, оба великих княжества втайне ожидали, что найдется князь, способный их объединить. И обе стороны видели в Василии, старшем сыне Симеона, такого объединителя. Все, кто видел мальчика и хорошо знал Гедимины, говорили, что он вылитый дед и по комплекции, и по хватке. Так что Василий уже загодя почти признавался тем объединителем, который не встретит особого сопротивления с обеих сторон. Одна сторона надеялась, что он пойдет по стопам своего великого деда, и Литва от этого только выиграет, другая же надеялась, что поскольку Василий живет в Московии, то и будет ей благоволять. Ну а пока что Москва потихоньку хозяйничала в этих землях.

Хоромы Ослябей на Оке находились в версте от начавшей приходиться в упадок крепости. Когда-то это было большое и дружное семейство. Четверо из пяти сыновей были хорошей подмогой отцу. Последний, пятый, Роман, был общим любимцем. Но литовский князь, пополняя войско, забрал двоих старших сыновей. И те сложили свои головы на далекой прусской земле в битве за литовское могущество. Еще двое поплатились своими жизнями в междоусобных битвах. Сражались между собой не только князья, но и бояре. А земли Ослябей притягивали к себе любителей чужого добра, как пчел на мед. Роман, надежда родителей, был физически здоровым, развитым парнем. Было видно, что лихим будет бойцом. А еще отличался он тем, что был добрым, отзывчивым человеком, послушным родителям. Но... не стало и Романа.

Не думали старые Осляби, что переживут это горе. Но... выжили, из последних сил, но выжили. И решили ехать в Москву.

– Ей! – Петр приказал вознице остановиться, завидев какого-то мужика с охапкой дров за спиной.

Услышав крик, тот остановился, спросил:

– Че надоть?

– Да иде ослябские хоромы?

– А вон они! – Мужик махнул свободной рукой в сторону.

Так виднелась покосившаяся ограда, за которой чернели стены хозяйских построек.

– Давай туды! – крикнул Петр вознице.

Старики от радости, что великий князь выполнил обещание и прислал гостя, который привез «сына», не знали, что и делать, куда посадить, чем кормить их. Бывалый Петр хорошо стариков понял и постарался их успокоить. Вроде ему это и удалось. Вот только насчет «сына»...

Приглядевшись к гостю, они говорили:

– Вылитый, вылитый Роман.

Петр подмигнул Егору, заметив:

– Роман, давай сопричисляйся! Вишь, как встречают.

По улыбке, с какой Егор посмотрел на Петра, тот понял, что парень очень доволен приемом.

Отобедав и выпив крепкой пахучей браги, раскрасневшийся, но не забывший о своих обязанностях Петр стал раскланиваться.

– И не переночуешь? – с огорчением спросили хозяева.

– Другой раз, другой раз, ей-богу, – ударяя себя в грудь, ответил он.

Его проводили до ворот, одна створка которых висела на единственной петле, а другая валялась на земле, припорошенная снегом.

Проводив Петра, «Роман» встал одной ногой на валяющуюся створку ворот и обратился к хозяину:

– Батяня...

Это обыденное слово подействовало на старика, словно бальзам на больные души.

– ...а хде струмент?

– Да ты, сынок, отдохни-то.

Слово «сынок» вмиг расставило все по местам.

– Ладноть, батяня, отдохнуть еще успеется, – ответил Егор, засучив рукава.

– Евдокия! – раздался в открытую дверь сиплый голос старика.

– Чиво те? – Та появилась на пороге.

– Да вот, слышь, Роман-то наш не хочет отдохнуть с дороги.

Старуха всплеснула руками:

– Да я ж те, сынок, уж постелила. Ты не обижай нас, старых.

Егор крикнул и вошел в дом. Ему не хотелось обижать новых родителей. Они оба проводили его до одрины. Это была большая светлая комната. На окнах – тяжелые шторы. Торцом к дальней стене стояла широкая дубовая кровать со взбитой высокой пуховой наволокой во всю кровать. Несколько подголовий стопкой стояли в изголовьи кровати. Откиннутая одежка отдавала белизной. У окна стоял столик с двумя ослонами. У входа – платяной поставец. Егор ухмыльнулся. Давно он не наслаждался такой прелестью домашней жизни, хотя у него зачесались руки навести скорее порядок. Но поклонился хозяевам в знак благодарности и стал снимать рубаху. Старики, радостные, поспешили к двери.

Роман, постояв какое-то мгновение, бросился на кровать. Он не заметил, как уснул. Когда проснулся, в комнате было сумрачно. Вечерело. Он соскочил с кровати, оделся и вышел в проход.

Хоромы были большими. В проходе по обе стороны виднелось множество дверей. В конце прохода светился серый четырехугольник. Он пошел к нему и вышел на крылец. Спустившись по кое-где подгнившим ступенькам, парень оказался во дворе. Когда-то его отстроили по-хозяйски. Прошло время и многое требовало ремонта. Он удивился про себя: «Они же бояре, сами не могут делать, так могли бы и нанять. Аль с деньгами плохо?» Как он потом узнал, их у бояр не было с давних пор. Все сбережения повытянули по разным причинам соседи. Они же опустошили и двор, забрав почти всю скотину.

Долго ходил он по двору и удивлялся: даже худой собачонки не было. Была собака, но один из обидчиков, боярин Скертовский, убил ее, когда уводил последнего коня, который якобы летом потравил его посева. С него Роман и решил наводить порядок.

Узнав, что его хоромы находятся в полуверсте, утром, надев катанки и накинув шубейку, он потопал в сторону боярина-грабителя. Миновав улицу, он увидел десятка с два избенок. Наугад постучался в одну из первых. Ему открыл дедуля в одном валенке, другой был в руке.

– Будь здоров, старина! – И Роман поклонился.

– И ты здрав будь! Че пожаловал? – спросил хозяин, надевая второй валенок.

– Ты мне, старина, не скажешь, хто у боярина оберегал его посадки?

Дед повертел головой, потом спросил:

– А зачем те, мил человек, его знать?

– Да... князь прислал. Пожаловался хто-то ему, мол, скот Осляби вытоптал у боярина Скертовского все поле.

– Ха! – Дедусь ударил себя по худым ногам. – Ой, и приврал хто-то. Да у этих бояр скота-то было коровка-хромушка да конь. Правда, хорош. Да ихний Тимоха-то стерех хорошо... Зазря старых обидел. Одни остались да стары. Вот их и обижают. Заступы нетути. Был сыночек, а куды делся... – Дед пожал плечами, потом сказал: – Слыхивал, будто помер. А хто говорит, что убог, чтоб литовцам не служить.

– Извиняй, старый, пойду я.

– Иди, иди.

Закрыв за ним дверь, дед открыл ее вскоре.

– Ей! – крикнул он и махнул костлявой рукой.

Роману пришлось вернуться. Дед зашептал ему на ухо:

– Аспид наш боярин Скертовский, прости мя, Господи! – Он перекрестился.

– Благодарствую. – Роман поклонился.

Он вышел на улицу, какое-то время постоял, подумал и, сказав про себя: «Правы мои старики», пошел в сторону скертовских хором.

На боярском дворе кипела утренняя работа. Кто кормил скотину, кто доил коров, кто подметал двор. Роман направился к конюшне. Войдя вовнутрь, он увидел, как какой-то человек отсыпал лошадям овес. Увидев незнакомца, тот поставил мешок на пол и, взглядываясь в него, спросил:

– Ты хто?

Незнакомец усмехнулся:

– Хто? Роман.

– Роман? – Удивление вырвалось у него из груди.

– Роман, – подтвердил тот и стал спокойно осматривать одну из лошадей.

Мужик стоял в какой-то растерянности, потом неуверенно произнес:

– Уж не Ослябя ли?

– Ослябя, Ослябя, – не обращая на него внимания, в тон ему ответил он.

– Так... он... помер.

– Это я нарошно, чтоб ближе соседей узнать.

– Аа-а! – Мужик чешет свою головешку. – А щас че делаешь?

– Ищу свойво коняку, котору забрал твой хозяин.

– Без его не дам!

Мужик, оттолкнув непростеного гостя, встал между ним и лошадью. Гость, недолго думая, схватил его за грудки, поднял и швырнул в ясли. Неторопливо подошел к нему. Тот от испуга забивался в угол. Роман наклонился над ним и тихим, но угрожающим голосом произнес:

– Скажишь свойму боярину, че я обиду своих родителей ему не прощу.

Потом брезгливо посмотрел на мужика, спокойно снял со стены две недоузки и, выбрав коней, взнуздal их. Мужик, еле выбравшись из яслей, заорал вслед:

– Он у тя забрал одну коняку!

Роман повернулся и бросил:

– А вторую за собаку.

Когда Роман был уже на середине двора, мужик выскочил из конюшни и заорал во всю глотку:

– Ратуйте, добрые люди! Грабют!

Его крик услышали. На крылец выскочил сам хозяин, высокий, узкоплечий, с плешинной и свисающими длинными волосами.

– Стой! – заорал он. – Эй! Ко мне!

На его крик прибежало несколько мужиков.

– Хватайте его! – орал боярин, топая ногами и показывая на Романа.

Те гурьбой ринулись на него. Удар в грудь здоровяку, первым подскочившим к нему, был настолько силен, что тот, отлетая назад, сбил чуть не всю ораву. Больше никто получить такого удара не пожелал, и они стали разбегаться по сторонам.

– Стой, трусы трекляты! – орет боярин.

Работники остановились. Поняв, что руками парня не взять, они вооружились дубьем. Почувствовав свою силу, стеной двинулись на похитителя. Роман вдруг перемахнул через коня и стал оглядываться. Заметив телегу, мгновенно оказался около нее, с хрустом выворотил оглоблю и угрожающе двинулся на толпу. Та попятилась назад. И опять рев боярина погнал их вперед. Жаль мужиков, но что делать! Он разметал их, как котят. Немногие могли подняться.

Видя такое дело, боярин метнулся в хоромы и выскочил с мечом в руке, встав на дороге. Незнакомец улыбался, медленно надвигаясь на боярина и поигрывая в руках оглоблей. Боярин взревел и, вскинув кверху меч, бросился на Романа. Но опустить его не успел. Получив увесистый удар в лоб, сел на задницу и, вытаращив глазищи, смотрел на ударившего каким-то шальным взглядом. Потом схватился за кровивший лоб и свалился на землю.

Роман вернулся и зашел в коровник. Доярка, видевшая всю эту драму своими глазами, попятилась от него в страхе. Он подошел к ней:

– Не бойсь, – сказал парень, – скажи: твой барин забирал коров у... Ослябей?

Та в ответ закивала головой:

– Да, да.

– Тогда и я возьму парочку!

Скертовский, отвалявшись несколько дней в постели после «боевой» схватки и поняв, что одному ему не справиться с незнакомцем, поехал к соседу, боярину Федьке Долгогляду. И тот немало содрал с бедных Ослябей. Сосед встретил Скертовского с высоко поднятыми бровями.

– Неуж ты, Скертовский, чертов сын!

– Я, я, – с раздражением на такую встречу ответил гость.

– Но... прошу.

– Суды, – показывая на дверь справа, произнес хозяин. Они вошли в полутемную горницу. – Раздевайся, – кивая на платяной поставец, сказал хозяин, подходя к столу, вокруг которого, как обычно, были расставлены ослоны.

Горница выглядела бедновато. Простой обшарпанный стол, такие же ослоны, старый почерневший свечной тройник на столе с одной свечой да оленья голова с ветвистыми рогами на стене – все украшение комнаты. Гость, пробежав быстрым взглядом по горнице, скривил губы. Но тотчас спрятал свое презрительное отношение. Не хватало еще ссоры, когда он хочет просить у соседа помощи. Он с этого и начал.

– Федор, – заговорил он, выдвигая себе ослон. Усевшись, забросив ногу на ногу, он продолжил: – У наших соседей...

– У нас их много, – произнес Федор, заходя с другой стороны стола, чтобы самому сесть напротив гостя.

– Да я про Ослябей. – В голосе улавливались нотки раздражения.

– Че, оба померли? – не выдержал Федор.

– Да нет. Наоборот. Ожил, – тем же раздраженным голосом ответил Скертовский.

– Кто ожил? – не понял Федор.

– Да... как сказать... сын, Роман, объявился.

От такого сообщения Долгогляд налег на стол, приблизившись к Скертовскому:

– Я слыхивал, че его схоронили.

– Я тожить слыхивал, – ответил гость, – но вот несколько ден назад к нам пожаловал. – При этих словах Скертовский потрогал лоб. Долгогляд напряженно ждал продолжения. И тот выпалил: – Как сказывал мне конюх, он спросил: не сын ли Ослябей? И тот ответил, че да.

Конюх мне передал, че он всех, кто обижал его родных, не простит. И вот он у мня забрал два коня и две коровы.

Хозяин внезапно рассмеялся:

– У тя из двора увел! А де ж твои людишки?

Скертовский резко поднялся.

– Людишки... ты правильно сказал: людишки. Ен один разогнал их, как... как... тьфу.

– А етот «фонарь» у тя на лбу... его отметина? – похохатывая, спросил Федор.

– Вот появится у тя Роман, я погляжу, как ты будешь смеяться. Ну... я поеду.

– Подождь, милый гость. Я так тя не отпущу. Вот щас перекусим и договоримси, че будем делать.

И не дождавшись ответа Скертовского, хозяин крикнул:

– Ей, хто есть?

Как было заведено в боярских домах, в случае появления гостя какой-нибудь холоп обязательно стоял у дверей, дожидаясь приказа боярина.

– Я слушаю. – В дверях показался подросток лет четырнадцати.

Боярин строго на него посмотрел и сказал:

– Стрелой на поварню, пушай несут выпить да закусить.

После двух-трех кубков бражки душа подобрела, а языки заработали с удвоенной энергией, появилась куда-то девшаяся храбрость.

– Да мы с тобой етого Романа... – Федька вертит кулачищи. – Со... сообща со своими людишками... и... каюк етому Роману... Больше не воскреснет.

– Когда пойдём? – допытывался Скертовский, у которого, несмотря на выпитое, злость на Романа не проходила. Лоб, наверное, в этом виноват.

– Вот я съезжу в Брянск, князь зоветь. И... пойдём, покажем етим О... А Ромку... я брошу к се в... яму. Пушай сидит. Выпьем, дорогой гость.

Наутро проснувшийся Скертовский, лежа с тяжелой головой, вспоминал вчерашнюю поездку. Вспомнив почти все, остался поездкой недоволен. И решил назавтра ехать еще к одному боярину, который жил верстах в двадцати от Скертовского, слыл сильным хозяином, и его побаивалась вся округа. Как оказалось, и его зачем-то вызвал брянский князь. Вернувшись к себе, Скертовский решил ехать в Брянск, а после возвращения расправиться с Ослябями.

Утром следующего дня старый Ослябя, выйдя во двор, не узнал его. Две коровки мирно пережевывали лежавшую перед ними охапку сена, а кони подлизывали со снега упавший овес.

– Что за чудо? Откуда? – удивился старый и кинулся в дом позвать дорогую женушку полюбоваться давно забытой картиной.

Они долго не верили тому, что видели. Ходили, гладили, наконец, убедившись в реальности увиденного, пошли в хоромы.

На цыпочках вошли они в опочивальню «сыночка». Тихонько поднесли к кровати ослоны и сели напротив, любуясь спящим богатырем. Первым пришел в себя старик и зашептал на ухо женушке, чтобы она шла в поварню что-то готовить сыну. Та с виноватым видом ушла. По такому случаю она достала остатки муки и решила испечь блины. Не пожалела и хранившегося до особого случая топленого масла.

Блины удались на славу. Роман ел, как и работал, здорово. А они, счастливые до слез, сидели и любовались, как быстро таяла блинная стопка. Вдруг он остановился, не донеся блина до рта:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.